

ЖЕНЩИНА В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Российский научный журнал

№ 4 (57) — 2010

Министерство образования и науки Российской Федерации

ГОУ ВПО «Ивановский государственный университет»

*Журнал зарегистрирован в Министерстве Российской Федерации
по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций.
Свидетельство о регистрации ПИ № 77–16955 от 9 января 2004 г.*

*Журнал включен ВАК РФ в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук (ред. от 19.02.2010 г.)*

Редакционная коллегия:

- О. А. Хасбулатова** (Ивановский государственный университет; *главный редактор*;
доктор исторических наук, профессор),
- С. Г. Айвазова** (Институт сравнительной политологии РАН, г. Москва; доктор политических наук),
- В. Н. Егоров** (Ивановский государственный университет; доктор экономических наук, профессор),
- В. Н. Аргунова** (Ивановский государственный университет; доктор социологических наук, профессор),
- И. С. Клёцина** (Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена;
доктор психологических наук, профессор),
- З. Х. Саралиева** (Нижегородский государственный университет; доктор исторических наук, профессор),
- Т. Б. Рябова** (Ивановский государственный университет; доктор социологических наук, доцент),
- Н. А. Шведова** (Институт США и Канады РАН; доктор политических наук),
- Н. Б. Гафизова** (Ивановский государственный университет; *ответственный секретарь*;
кандидат исторических наук, доцент)

Адрес редакции:

153025 Иваново, ул. Ермака, 39
Издательство «Ивановский государственный университет»

Тел./факс в Иваново: (4932) 41 75 79
E-mail: gafizovanb@mail.ru, inna_kodina@mail.ru, riabova2001@inbox.ru
Наш адрес в Internet: www.womeninrussia.ru, www.gender.ivanovo.ru, www.elibrary.ru,
www.ivanovo.ac.ru, www.ceeol.com

Журнал высылается по предварительной заявке

Подписной индекс в каталоге российской прессы «Почта России» 78462

WOMEN IN RUSSIAN SOCIETY

Russian Scholarly Journal

№ 4 (57) — 2010

Russian Ministry of Education and Sciences
Ivanovo State University

The journal is registered in the Federal Service for the Control over the Observation of Laws
on Mass Communications and for the Preservation of Cultural Heritage
Registration License PI № 77–16955 on January 9, 2004

*The journal is peer-reviewed and recommended
by the Supreme Attestation Commission of the Russian Federation
to publish main results of Doctors and Candidates of Sciences' dissertations (issued on 19/02/2010)*

Editorial Board:

- Prof. **O. A. Khazbulatova**, Dr. Sc. History (*Editor-in-chief*, Ivanovo State University),
S. G. Aivazova, Dr. Sc. Politics (Institute of Sociology of Russian Academy of Sciences, Moscow),
Prof. **V. N. Egorov**, Dr. Sc. Economics (Ivanovo State University),
Prof. **V. N. Argunova**, Dr. Sc. Sociology (Ivanovo State University),
Prof. **I. S. Kletsina**, Dr. Sc. Psychology (Russian State Pedagogic University, St. Petersburg),
Prof. **Z. H. Saralieva**, Dr. Sc. History (Nizhniy Novgorod State University),
Assoc. Prof. **T. B. Ryabova**, Dr. Sc. Sociology (Ivanovo State University),
N. A. Shvedova, Dr. Sc. Politics (Institute of USA and Canada Studies
of Russian Academy of Sciences),
Assoc. Prof. **N. B. Gafizova** (Ivanovo State University)

Editorial Office Address:

153025 Ivanovo, ul. Ermaka, 39
Publishing House «Ivanovo State University»

Tel./Fax: (4932) 41 75 79

E-mail: gafizovanb@mail.ru, inna_kodina@mail.ru, riabova2001@inbox.ru
Internet page: www.womeninrussia.ru, www.gender.ivanovo.ru, www.elibrary.ru,
www.ivanovo.ac.ru, www.ceeol.com

The issues may be sent by the preliminary request

ЖЕНЩИНА В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ
Российский научный журнал
№ 4 (57) — 2010

Директор издательства *Л. В. Михеева*
Редакторы *О. В. Боронина, О. А. Кручинина*
Технический редактор *И. С. Сибирева*
Компьютерная верстка *Т. Б. Земсковой*

Подписано в печать 27.12.2010 г. Формат 70x108 ¹/₁₆
Печать плоская. Бумага писчая. Усл. печ. л. 8,05. Уч.-изд. л. 6,5. Тираж 300 экз.

Издательство «Ивановский государственный университет»
✉ 153025 Иваново, ул. Ермака, 39 ☎ (4932) 93-43-41
E-mail: publisher@ivanovo.ac.ru

ООО «Центр социальной поддержки женщин и семьи»
(Издательский центр «Юнона»). 153002 Иваново, пр. Ленина, 47

ГЕНДЕРНАЯ ПОЛИТИКА: СТРАТЕГИИ И ТЕХНОЛОГИИ

ББК 60.561.23

U. Klammer

BUSINESS CYCLE AND LIFE CYCLE — CONFLICTING OR COMPLEMENTARY? TOWARDS A LIFE COURSE POLICY INTEGRATING DIFFERENT INTERESTS AND ACTORS

1. Introduction

The life course perspective — often neglected in labour market and social policy research —, is now very much present in European labour market policy, though sometimes implicitly. The grown interest in education and training within the concepts of “lifelong learning” and of an “investive social policy” are indicators of this perspective. The goals of the Lisbon strategy to increase the labour market participation of older workers and the actual retirement age (Barcelona and Stockholm targets, see [Commission of the European Communities, 2003]) have also increased the need to focus on work biographies, on the long term employability of workers and on sustainability in the working world. Accordingly the European Directives for the national action plans explicitly state: “this requires developing comprehensive national strategies based on a life course approach” [Council of the European Union, 2003, paragraph 15].

While a general framework for the life course perspective can be set on the national level (e.g. by adjusting legal arrangements), other actors also play a decisive role when it comes to the implementation of the life course perspective: the social partners can add on the legal framework by regulations in collective agreements, and it is in particular the company that determines issues that are decisive for the life-course perspective of workers, such as working-time arrangements and training op-

© Klammer U., 2010

This contribution is based on an earlier paper which the author has written together with Ton Wilthagen, University of Tilburg, the Netherlands (under collaboration of Heejung Chung and Anke Thiel) within the research project “Flexibility and Security over the life course” on behalf of the European Foundation for the Improvement of Working and Living Conditions, Dublin (2005—2006). The author wants to thank the collaborators of the earlier version for their intellectual input and the European Foundation for the funding of the project. The opinion expressed in the paper, as well as possible mistakes, remain within the responsibility of the author.

tions. Working-time arrangements are essential to workers in balancing their work and private activities and responsibilities. They are also crucial for companies in the management of market demands and production capacity.

The paper sets out with some theoretical considerations regarding the different needs and strategies of companies and of individuals referring to the long term (business cycle/life cycle) perspective. The leading question is whether and how the interests from the labour demand side and the labour supply side can be reconciled, and under what conditions the life-course or long-term orientation can become a win-win scenario from which both employer and employees profit. As it will become clear, a coherent life course policy requires the collaboration of different actors, including social partners and the state. The paper therefore also deals with two examples of nationally designed life course policies, the Belgium time credit system and the Dutch life course arrangement, and investigates their potential for the German debate.

2. Flexible working time arrangements: some theoretical considerations

When we approach working-time arrangements and companies' measures in Human Resource Management from a life-course perspective we have to acknowledge that there is obviously a need for coordination on different levels:

- From the individual workers perspective, his or her different activities in a certain life phase have to be reconciled in particular paid work has to be combined with other social activities at a given moment. This can be called a first level of synchronization. The workers' wishes and potentials can differ according to his/her sex, age, education, family context, interests etc.

- At the same time a life-course policy has to deal with the diachronization and the follow-up of different life-phases throughout the life-course of individuals, since the individual worker's situation is not stable, but can change over the life-course.

- Last but not least the life-course perspective requires the coordination between companies' business cycles and their employees' life-cycles. Business cycles have become shorter and less predictable. They are not necessarily congruent with the workers time horizons. Companies have to adjust to fluctuations in market demands and with the overall need to warrant and enhance competitiveness. Here a second arena of synchronization — business needs versus individual needs — can be identified. Evidently, working-time arrangements are key to the synchronization of business and personal needs and requirements. One may go one step further by saying that the future of the employment relationship lies in the possibility of joint or mutual risk management. Employers can manage their own (business) risks by helping workers to manage their particular risks; equally so workers can manage their own (private) risks by contributing to the employer's risk management.

The following section investigates the question how life-course policies that take into account these different requirements for coordination can be designed, looking at the perspective of companies and employees, but also at the complex interplay between state law, collective labour agreements, company agreements and HRM policies.

Figure 1 sketches the process of the “synchronization of synchronization”.

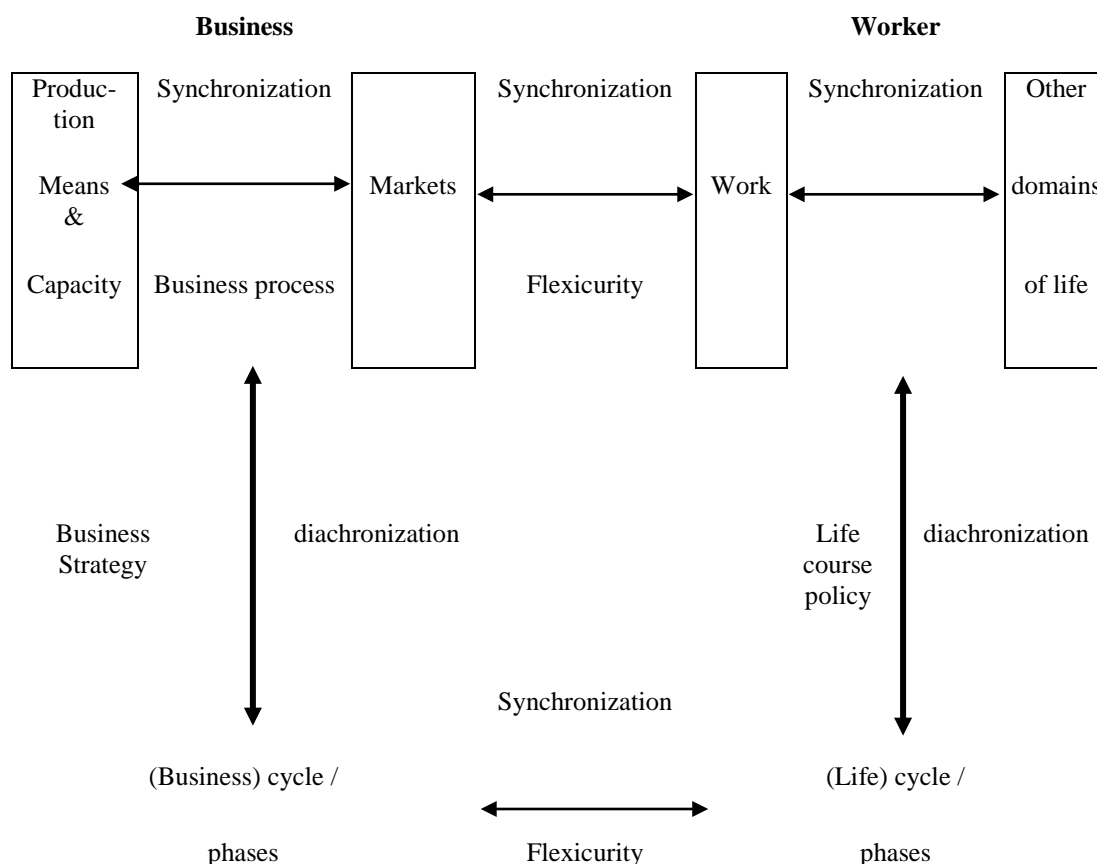

Fig. 1. Flexicurity and the synchronization of business cycle and life cycle

Source: Own illustration building on Wilthagen (2003).

***Flexibility, security and the longitudinal perspective:
Interests and strategies of the employees***

What can we assume about the employees’ interests over the life-course as far as working times are concerned? As it has been described in earlier research (e.g. [European Foundation 2003]), life courses have changed. The standard three-fold division into the phases a) childhood and education, b) participation in the labour market, c) retirement phase has developed into much more diverse patterns. The timing of the phases mentioned and of the transitions are less clear. In addition they are often no longer sequential phases, but can occur simultaneously — e.g. when paid work is combined with training, or when somebody keeps on working in retirement age. Due to prolonged education and later entry in the labour market we can speak of an intensified “rush hour of life” through the concurrence of family-formation and starting work. At the same time this “rush hour of life” does only affect parts of the younger cohorts due to a considerable decrease in fertility and childlessness in almost all Western industrialised countries. The need to care for elderly, at the other hand, increases due to the aging of the population in Western European societies, and a growing number of people in working age have to take over responsibilities in the field of eldercare. This leads to individually shifting time needs over the life-course.

What is often neglected in research on working time is the impact of the household context as well as the impact of changing gender roles. The labour supply and working time preferences, particularly those of women, depend to a high degree on the (changing) household context. As numerous sociological studies have pointed out, there is a clear trend towards an “adult worker model” in Western European welfare states (see e.g. the contributions in [Leitner, Ostner, Schratzenstaller, 2004]). This means that adults of both sexes are increasingly expected to earn their own money on the labour market. With the increasing share of dual earner families, however, new time arrangements and new options to plan one’s time are needed to cover care work and to achieve work-life balance. These needs for individual solutions are additionally enforced by the growing responsibility workers have for keeping up their own employability.

In general, — due to the developments sketched above — it can be assumed that a) different employees have different time needs and working time preferences according to their personal situation at a given point in time, but also that b) in many cases the working time wishes are not stable over one’s working life but might change according to peoples changing private context, age, financial means and individual preferences.

Actually the individual’s life-cycle consists of several life-cycles that have to be co-ordinated. We can e.g. differentiate between the biological life-cycle, the family life-cycle, the professional life-cycle, the employee’s life-cycle in a specific company and even in a specific job [Sattelberger, 1995; Mayrhofer, 1992]. As Graf (2001, 2002) points out, all these different “life-cycles” are currently affected by changes (see table 1).

Table 1

Changes in the individual’s different “life-cycles“

Life-cycle	Dominant changes
Biological life-cycle	— growing life-expectancy — changing health risks and health chances
Family life-cycle	— changes in marriage and divorce behaviour — decreasing fertility — changing family and household forms
Professional life-cycle	— changing values concerning paid work — “compression” of working life (due to longer education and earlier retirement) — new forms of work — increase of transitions, discontinuous work biographies — increasing importance of lifelong learning
Life-cycle in the company	— flattening of hierarchies in the company — changes in the career orientation — shift towards more responsibility for the employee (“entremployee”) — changing age structures, aging of the workforce
Life-cycle in the job	— changes in the working conditions — changes in the required qualifications
Source: Inspired by Graf (2001, S. 26), own adaption and translation	

The different “life-cycles” of a person are interwoven [Ernst, 1997, S. 227], but their weight can be different in different phases of life. Problems frequently occur when transitions have to be mastered [Mayrhofer, 1992, S. 1240; Sattelberger, 1995, S. 28]. When the different spheres cannot be matched and the burden becomes too big, people often tend to reduce their engagement in one of the affected areas of life, or they opt for radical changes [Graf, 2001, S. 26]. This can become a problem for companies and therefore requires a long-term approach in human resource management.

Flexibility, security and the longitudinal perspective: Interests and strategies of the companies

Companies’ time horizon is much less clear than the one of employees, and the developments concerning the long-term perspective of companies have to be discussed in a differentiated way. On the one hand, there is a clear tendency towards a more short-term orientation, since production circles have become shorter, and companies often have to adjust ever more quickly to changing markets (see [European Foundation, 2006, ch. 7]). This often directly touches upon the flexible workforce at the “rim” of the company. On the other hand ever more sophisticated products are based on a high and specialised knowledge of the staff, which requires a long-term HRM focusing on the qualifying and the keeping of employees. Career management and retention management — necessarily focusing on longer periods — become increasingly important to safeguard the economic success of many companies¹. Within the context of demographic change and shrinking workforces, giving employees long-term security and perspectives for development in the company can increase their satisfaction at the workplace and can reduce costs resulting from sickness and absenteeism as well as job changes. These long-term and short-term strategies in companies HRM are closely related to the overall strategies of the company in a context of increased international competition.

Although the analysis has shown that companies’ strategies of flexibilisation affect different groups of the workforce in different ways and to a different extent (e.g. [Klammer, Tillmann, 2002]), there is evidence that the trend towards higher flexibility requirements does not only affect the “flexible rim” of the workforce. The core workforce is also increasingly involved in companies’ flexibility strategies, but not in the same manner. Actually it depends on the kind of adjustment strategy the company focuses on — e.g. cost reduction strategies, new organisational models for the production process or innovation strategies — who is involved and how people are involved.

Companies’ adjustment to new requirements: Three different routes towards flexibility in Human Resource Management

Diewald, Brose, Goedicke (2005, S. 227—231) identify three main routes in HRM towards flexibility strategies, so called “commercialisation”, “negotiated stability” and “mutualisation” that are often applied simultaneously, but with respect to different groups of workers (see table 2).

¹ Actually this trend — which is opposite to the broadly discussed trend towards flexibilisation — seems to contribute to a relatively high stability in job tenure in some countries. As Erlinghagen (2004) has shown for Germany, for example, the labour turnover rate has not changed very much in recent years, opposite to the general perception and discussion.

Each of these three concepts in HRM is dominated by a specific type of exchange relationship (the market, power or confidence), but what they have in common is that all three concepts are undergoing changes in the process of companies' adjustment to new flexibility needs, and new strategies and developments can be identified.

Table 2

Different roads to flexibility in companies' Human Resource Management

Type	Commercialisation	Negotiated stability	Mutualisation
Exchange relationship	Market	Power	Confidence
Type of contract	Contract of sale	Labour contract	Pact
Steering instrument	Competition	Control	Conviction
Traditional elements	"Rim" workforce	Core workforce	Company community
Traditional requirements concerning the worker's behaviour	Indifference / restriction	Long-term affiliation between worker and company, complementarity	Affinity
New elements	Externalisation , sham self-employment	Mobilisation of the employees, more request for (internal) flexibility	Teamwork, joint efforts and achievements
New requirements concerning the worker's behaviour	Economisation of own abilities, "entreployee"	Flexibility and availability according to changing demands	Self-selection and -organisation, adaptation

Source: Table inspired by Diewald, Brose, Goedicke (2005, S. 228); own additions and translation.

Negotiated stability is a strategy that can primarily be found in fields where standard work contracts used to be the norm — standardised permanent full-time (or part-time) jobs. While the conditions for these jobs used to be regulated by law and collective agreements, they are now increasingly negotiated on the level of the company [Franzpötter, Renz, 2002]. Flexibility concerning the location of work and working times are negotiated in exchange for employment or income guarantees [Massa-Wirth, Seifert, 2004]. "Pacts for employment" on the level of the company characterise a new exchange relationship between employers' needs for flexibility and employees' wishes for security [European Foundation, 1999]. They are focusing on internal flexibility, giving employees some security in exchange for concessions that might also touch upon their time planning. The time horizon of the pact is usually restricted to something between some months and several years.

While negotiated stability (and flexibility) usually concerns the core workforce of a company, strategies of commercialisation are common to organize the workforce at the rim of the company. Within the process of organising flexibility, however, the borderline between the core workforce and the flexible rim itself has shifted — often towards an extension of the flexible rim. Employees who had been part of the core work force are increasingly — partly voluntarily, partly involuntarily — involved in

new arrangements in which working conditions and remuneration are bound to the success of one's work. Working time becomes a variable subordinated to the fulfilling of goals and contracts. In organising his own work in order to fulfil the requirements, the worker partly takes over typical risks of the employer. In the sociological debate, the term "entreployee" ("Arbeitskraftunternehmer") has been framed to describe this type of employment relationship [Voß, Pongratz, 1998]. Work relationships that are based on the outcome (instead of the number of working hours) can contain a potential for a worker's work-life balance since he is able (and obliged) to organise his own working time. The literature, however, more frequently points at the risk of self-exploitation, in particular in connection with increased competition and decreased remuneration. It also has to be taken into account that the strategy of commercialisation comprises ways of external flexibilisation. People working for a company are only bound loosely to the firm, the degree of mutual obligations is low. This can imply a high rate of fluctuation. In general one can assume that this makes lifecourse planning for workers more difficult. But at the same time there can be chances for a higher income, and the increase of autonomy (compared to a standard dependent employment relationship) can be attractive for workers in specific life-phases and household constellations. Looking at the time dimension, the exchange relationship between the contractors are in general more short-term oriented than in the case of negotiated stability; the long-term or even life-course perspective plays no explicit role here.

The approach that can be identified as the third major strategy — described as mutualisation in Diewald, Brose, Goedicke (2005) — also contains aspects of negotiated stability as well as commercialisation, but is characterised by an increased reciprocity in the labour relation between employer and employee (instead of its weakening). It is used selectively by HRM and can particularly be found where high qualifications and a high performance are required. In exchange for high salaries and prospects for individual development in the firm, companies today expect an increased commitment to the firm from their key players, as well as a high level of identification. This concerns the amount and flexible use of time the employee is expected to dedicate to his work, but also the place of work, the content etc. The borders between work and private life cannot be kept up, work dominates the other spheres. Concerning these important key players, companies' time horizon is often long term and retention management is used to keep these employees in the company. Although this can give employees some kind of long term security (e.g. as far as income is concerned), it is often at the cost of short term flexibility and these employment relationships only leave restricted room for time needs beyond paid work.

Managing the "employee lifecycle"

Given the context sketched above: Can we expect companies at all to be concerned about their employees' life courses? If one looks at the HRM literature, the "employee lifecycle" is a well-known concept (e.g. [Graf, 2001, 2002]). But this is not congruent with the "real" lifecycle of the employee. Whereas the employee has to organise and to manage the whole (working) life-course from education to retirement (and in addition increasingly has to plan the financing of the retirement phase

itself), the “employee lifecycle” in the enterprise describes the development of a person from the entrance into the company until his/her exit from the company (see fig. 2). Although employees’ career development differ in extent and timing, the most common pattern is characterised by a sequence of an introductory period, a growth period, a phase of maturity with career plateau and (not always) a phase of saturation with downward movement before the employee’s voluntary or involuntary exit from the company.

A similar picture can be assumed when one looks at the employee life-cycle in a specific job, which needs not be identical with his or life-cycle in the company. In this case the challenge is to arrange the employees’ movement to another job in the company before saturation leads to a decrease of performance.

In connection with the career development of the employee the return on investment for the company changes as a function of time. It is assumed — in a simplified model — that the benefit of an employee for the company increases sharply in the first phase after the recruitment, then stays on a high level before it might go down (e.g. when the employee does not engage in further training). This is the point when it is rational for the company to replace the worker, if the legal regulations (e.g. EPL) or other regulations don’t prevent it — long before the actual retirement age and the end of the worker’s real life-course. According to this idea of the “employee lifecycle” we can assume that the company will be interested in optimizing the development of the employee during this restricted period or “life cycle” [Gerpot, 1999, S. 115].

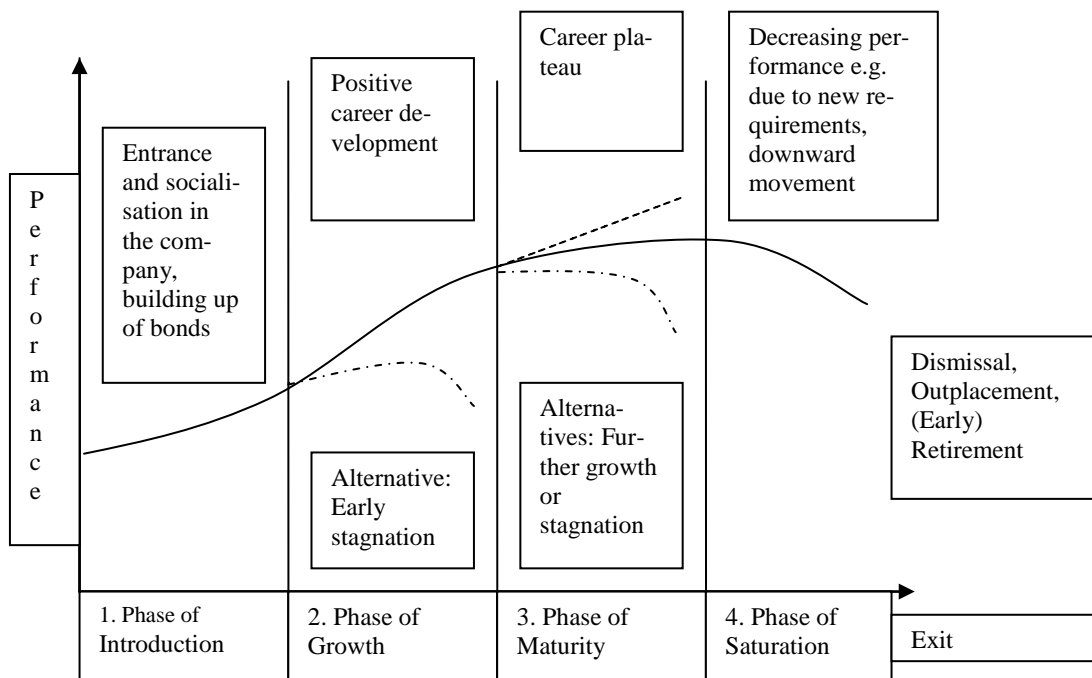

Fig. 2. Phases of the employee life-cycle in the company

Source: Own illustration inspired by Graf (2001, S. 27).

Bringing the perspectives together

As it has become obvious, flexibility needs of employers and employees can be in conflict with each other, but they can also overlap (see also: [Graf, 2001, 2002; Ernst, 1997; Gross, 1993; Sattelberger, 1995]). Human resource management aims at the building up, keeping (qualifying, motivation) and reduction of staff in order to optimize the profit of the company over time. Adjusting the staff by dismissals (external flexibilisation) usually interferes with employees' wishes for long term planning and security. Flexible working time schemes seem more suited to help the company to adapt to changing circumstances and to meet the interests of the employees at the same time:

— Flexible working times can be a means to adjust the production to differing order positions and capacity utilisation.

— Lifetime working time accounts that allow employees to retire earlier can help companies to reduce their staff in a socially accepted way, and to avoid costs in the context of EPL.

— In addition early retirement through long term accounts is used by companies to keep their staff “young” and to hire new employees according to new qualification requirements².

Generally speaking, flexicurity options can be regarded as *adapting exchange relationships between employer and employees*, and we can speak of good practices where this adaptation leads to a synchronizing of the employers' and the employees' interests (see above). Human resource management cannot only look at the companies' interests when defining the conditions for a work contract. Voluntarily or involuntarily, the extent and structure of the available workforce and the working time preferences of the (potential) employees have to be taken into account. At the same time the employee's labour supply is influenced and restricted by his or her personal options and preferences (e.g. for flexibility and security), but also by his family situation and other aspects of his life. Diewald, Brose, Goedicke (2004) therefore suggest to regard the relation between the company and the worker on the one hand and of the worker and his family on the other hand as two exchange relationships that have to be adjusted.

Finally it also has to be acknowledged that the changing needs and preferences of employees, the so called individualisation, have made it more difficult for companies to forecast the development of a young employee at the point of recruitment. Since neither male nor female employees follow the traditional pathways to the same extent as they used to do, companies have to bear higher risks when investing in their staff. The hopeful young manager might change his interests and working time preferences quickly because of marriage, divorce or the individual preference for a sabbatical. This touches upon companies' long-term need for security and planning.

This considerations lead to the hypothesis, that companies working time policies and other HRM measures contain some potential to match employers' and employees' need — also if one employs a long term or life-course perspective. However it can not be expected that companies completely cover their employees' life course needs. We

² In Germany, companies show a growing interest in these options due to the upcoming cancellation of the present partial retirement scheme (“Altersteilzeit”) as well as the planned increase of the legal retirement age from 65 to 67.

can therefore assume that other levels of regulation — e.g. laws or collective agreements — still have to add on if a successful life-course approach is to be implemented.

3. Towards an integrated life course policy: A closer look at Belgium and the Netherlands³

Whereas in most countries we only find regulations for certain life phases and the regulations are not really interwoven, some countries go further and have started to develop real life-course approaches that can provide a reliable background for working time arrangements in the company. The following sections deal with the most developed approaches, the Belgian career break and time credit system and the Dutch life course regulation.

The Belgian career break and time credit system⁴

In 1985 Belgium introduced a system of career breaks as a labor market instrument to contend with the increasingly alarming level of unemployment. It allows individuals to temporarily exit the labor market while still retaining their binding labor contract with their employer. The resulting temporary job vacancy was then obligatorily filled with an unemployed worker receiving unemployment insurance. In this way, it was intended as a self-financing employment system, designed to establish a better distribution of labor. The instrument thus had two goals: while protecting groups that may otherwise be obliged to exit from the labor market by providing an instrument to temporarily withdraw with a guaranteed return, it created a port of entry into an otherwise seemingly impermeable labor market for vulnerable groups. The system was innovative because previously individuals wishing to take any kind of extended leave from work were obliged to quit their jobs whether for health reasons, for caring tasks or for educational training. Throughout the years, several amendments to this policy have been made, including additional thematic leaves, gradually shifting the focus from an employment policy measure (the requirement of hiring an unemployed person for the temporary vacancy has been dropped) to more of a life course labor policy package.

In the Belgian career break system the worker receives no salary during the period of leave-taking and he does not accrue vacation time, but he does continue to build up his pension claims. Although the government provides subsidies for the workers taking leave, it is a small, lump sum of a few hundred Euros per month, with some minor adjustments for full-time/part-time, lone parents, and lower income groups. It does not compensate for the missed earnings, nor is it intended to do so. What it does create is a buffer of security for the employee, to temporarily exit from the labor market knowing that his or her place will be there upon return.

The Belgian career break system is flexible in many ways. The exit or hours reduction is not restricted by the reason why somebody wants to take leave. The individual is completely free as far as his motive for the exit is concerned, and he is not

³ This section about the Belgian and the Dutch lifecourse schemes mainly relies on information provided by Ton Wilthagen, if not otherwise stated.

⁴ The description is based on Roman, Heylen, Schippers (2006).

obliged to even name a motive for the desire to take a career break. The employer, on the other hand, is required to permit the career break as long as the maximum level of staff on leave is not exceeded. If work continuity without the employee is not possible, the employer is obligated to substantiate the denial. The current maximum period of time for the (time credit) break is one year although extensions are possible through many of the collective labour agreements.

In the second half of the nineties, a new amendment introduced three thematic leaves: parental, medical and palliative care⁵. Thematic leaves have priority over regular career breaks and are not subtracted from the amount of time allowed for regular career breaks. Thus, thematic leaves are *in addition to* career breaks. Individuals taking a thematic break are also entitled to a higher compensation than individuals taking regular career breaks.

There are some logistic restrictions however. First of all, so as not to overburden the organization, there are limits to the percentage of workers within a single organization that can concurrently make use of leave taking and this maximum is currently limited to 5 % of an organization's personnel. The employer may go above and beyond this percentage, but is not required to do so. This may lead to some complications. In a sector where there is a high percentage of working women, such as in the healthcare sector, for example, one can imagine that it might be an organizational problem to accommodate all the staff taking maternity leave on top of the additional time credit leave. Leave-taking is not necessarily full-time. It can also be a reduction of working hours by one-fourth, one-third or one-half.

It is important to realise that the career break system is an initiative of the Belgian federal government, as the responsibility for labour market policy is primarily at the federal level.

In 1994, the government of Flanders introduced an additional instrument to encourage the use of career breaks in the form of a financial premium: the “Vlaamse Aanmoedingspremie voor Loopbaanonderbreking” (VAL). This is a bonus premium that under certain conditions is paid to employees in Flanders who make use of the career break system and is paid out as a gross sum directly to the employee. The reason for the introduction of the additional subsidy for Flemish workers was to make the career break system more accessible to lower income groups and lone parents. It is intended to better compensate the loss of income during the career break, as critics of the system state that career breaks are a luxury affordable only to those households capable of enduring the reduction in earnings. In an evaluation of the VAL by Devisscher and colleagues from 2005 they found no evidence that respondents were motivated by the premium to use the part-time career break. Their conclusion is that the group using the part-time career break has a higher than average income. In their model they used both household income and net wage loss as indicators. This is at least an indication that the VAL is not succeeding in reaching its target groups, the lower income groups.

Another important original intention for career break use is that of lifelong learning. The first reports on career break use for this purpose have been disappointing. A possible explanation is the existence of the employee voucher system,

⁵ Palliative leave is restricted to terminal care for one month, which can be extended by one month per patient.

launched in Flanders to stimulate life long learning. Individual employees receive a 50 % subsidy for occupational training or career counseling by a recognized provider⁶. This system is already so successful that it is not unlikely that employees are more ready to use it for training rather than a career break.

The Belgian career break system has proven itself to be a dynamic system, capable of change to more adequately meet the needs of the Belgian worker while allowing the kind of flexibility necessary for a successful implementation by Belgian employers. The career break system and the more recent time credit system are designed to increase labor participation among women and older workers and to facilitate lifelong learning.

Lifecourse policy in the Netherlands

The Netherlands are the first country to have introduced a national legal arrangement under the heading of a 'life course arrangement' (levensloopregeling), in force as of January 2006. This new arrangement does not include new entitlements to leave, career breaks et cetera, but offers a legal right and a fiscally supported saving scheme, with the aim of facilitating in a financial way periods of leave or non-participation.

The term 'life course policy' was only recently introduced in the Dutch political debate, just on the verge of the new millennium, and may be considered the successor of work-family or work-care policies stimulating notably women's labour market participation. The largest part of these policies and rights were either introduced or extended in the 1990s. In this era the main legal framework for the introduction of these primarily 'time arrangements' consisted of the reform of the Working Hours Act (1995), the introduction of the Working Time Adjustment Act (2000) that introduced a (conditional) right for workers to work fewer or more hours, and the Act on Work and Care (2001). The latter can be considered a 'framework act' that mainly pulled together the leave facilities for pregnancy, parenthood, calamities and education that were already in place. In the field of education there are few state-designed measures other than some fiscal measures or financial support, aiming at the creation and the improvement of training or retraining facilities. Here the social partners are the main actors, with the exception of the so-called initial or basic education, which is still largely the responsibility of the government.

In 2001 the Dutch government introduced the so-called Leave savings scheme that allowed for the individual (i.e. time) and collective (money, i. e. fiscally stimulated, up to 10 % of the wages) saving of leave in view of optimizing the balance between work and care, reducing pressure at work and preventing an 'over-organized life'. A maximum of one year leave could be acquired that way. However, because only a few employers offered the collective facilities the saving scheme was not transferable across companies and very low numbers of employees opted for the scheme. A next proposal was labelled the Basic Life-course Arrangement which included a leave account, i. e. a saving account, and a 30 % bonus on top of the saved money when leave was actually being taken up. But this proposal was withdrawn, among other things because the bonus was seen as too generous, and a new proposal

⁶ OECD Peer review — Developing highly-skilled workers (19/04/2004).

was made to facilitate people in financing unpaid leave. Now the position was taken that the arrangement (i. e. the possibility of saving money) should be a legal entitlement in stead of depending on the cooperation of the employer. The arrangement, which allowed for the saving of a maximum of 12 % of one's wages and a maximum of one year and a half of leave, was presented as a new option next to the already existing general arrangement for saving a certain amount of one's wages. In Dutch the latter scheme is called "spaarloon", a fiscal measure, much more popular among employees, where savings can already be withdrawn after four years and stand at the disposal of the employee irrespective of the purpose of spending⁷.

Soon the discussion on this new proposal became linked to the politically very sensitive issue of reforming the pre-retirement schemes. Besides, at that time the Dutch economy was experiencing a significant and surprisingly lengthy downturn and the government called upon the social partners for a wage freeze. After heated debates and even a mass demonstration, a sign of protest rarely seen in this country over the past decade, the government and the social partners reached a new social agreement. A more extended version of the Life Course Arrangement served as one of the bargaining chips in this new deal and was included in a new law called The Act on the Adjustment of Fiscal Dealings with Pre-retirement Schemes and the Introduction of a Life Course Arrangement (in short VPL Act). As mentioned above, the new Life Course Arrangement came into force in January 2006. It contains the following key provisions:

— Employees may save a maximum of 12 % of yearly (gross) income to a maximum of 210 % of the yearly (gross) income, in order to finance periods of unpaid leave, e.g. care leave, sabbatical, terminal care, parental leave, training leave or to retire earlier from the labour market. After the take up, the account can be refilled up to the 210 %. Employees are being covered by the social insurances up to a period of 18 months (a maximum of 3 years leave could be saved for, if the employees decide that 70 % of his or her wage suffices, but after 18 months the social insurance coverage expires; an employee that insists on 100 % of his or her wage will be able to reach a maximum leave period of 2.1 years).

— Money can be put in an life course saving account or used as premium for life course insurance (at private insurance company, pension fund et cetera). In agreement with employers time saved, such as overtime, can also be valuated and put in account.

It has already been pointed out that no new rights to leave are being introduced in addition to the existing rights. Collective bargaining parties are expected to incorporate and facilitate the Life Course Arrangements in their agreements. All employees were obliged to opt for either the new arrangement or the existing Wage saving system, (Spaarloon). Before the introduction of the new arrangement scepticism and criticism could already be heard. Although the general idea of a life course arrangement was supported, the current version was seen as too limited in scope and inaccessible, notably for the less well-paid employees, who could never save these kinds of amounts. In the first

⁷ In payroll savings schemes (in Dutch 'spaarloon'), the employer withholds an agreed amount of the employee's gross pay and deposits this in a savings account blocked for at least four years. When the sum is paid out it is not liable to pay payroll tax on the exempted amount. There are some ways to unblock the savings before those four years, like paying for a mortgage, costs for study or if you start a business.

half of 2006 it became clear that most employees wished to stick to the Spaarloon arrangement and less than 3 out of 10 opted for the Life Course Arrangement.

At present many commentators, including university professors and the Social and Economic Council, are advocating a revised Life Course Scheme, proposing to integrate the current scheme and the Spaarloon arrangement. It is also proposed to widen the scope and application of the scheme, e.g. more leeway for education and training, and more possibilities of using the money saved in case of work-to-work transitions. The trade unions, that are not against the arrangements as such, have expressed their concern that the reforms may lead to a fully individualized, privatized and fiscally based social security system. Another issue is the question of unconditional rights. One of the reasons why the Belgium career break and time credit system was seen as more successful than the Dutch provisions for career breaks was the unconditional and rather administrative right that Belgian workers have in taking up career breaks and time credit. No previous permission from the employer is required. This criticism does not apply to the new Dutch Life Course Arrangement, however.

4. Regulating time options and life course policy on different levels: some considerations and conclusions

Lifetime working time accounts: the ideal instrument to establish a life-course perspective at the company level?

If we look at the second level of synchronization mentioned in section 2 — the adjustment of the company's and the employee's needs — this is in Europe, if addressed at all, the domain of companies' HRM policies and social partners sector policies rather than the domain of law and state regulation. A review of European policies by Arrowsmith, Sisson (2001) shows that working-time policies designed to better meet the need for time sovereignty of employees are relatively scarce. The authors point at good practice in the Swedish municipal and healthcare sectors. Sweden is also the country where "Time Care" has originated, a software tool that enables self-rostering by employees, first introduced for hospital workers and increasingly becoming widespread in aviation, consumer electronics and apparel industries in Sweden and other European countries. The concept of self-rostering aims at balancing the needs of the organisation and those of the employees. Other initiatives have followed, such as the introduction of the Working-time Evaluator (<http://www.workingtimeevaluator.com>), a Dutch software tool that allows companies to match working-time needs and preferences. However, it seems to be the instrument of working time accounts and in particular life-time working time accounts that fit particularly well to the life-course perspective. WTA can enable both firms and workers to build a 'stock' of overtime hours, 'created' during peak hours. During slow periods, workers can stay employed and continue to receive pay by 'drawing' from the accounts. Time (or money) saved on WTAs can also serve to cover shorter or longer periods in which time needs beyond paid work occur. Crucial for working time accounts is the legal room to consolidate, average and allocate hours over a relatively long period. WTAs that create options for the location and distribution of working time can be used in various ways to meet time needs of employees. It has to be acknowledged, however, that employees can only use flexible working times to suit their requirements if they enjoy access rights to their saved-up working time cre-

dits. The existence of a flexible working time model per se tells us nothing about whether it helps to meet the employee's interests and needs or not. The specific provisions relating to these working time accounts and the 'time sovereignty' are the decisive factors. Empirical research on the access rights to working time accounts in Germany has come to the result that white collar employees can use their WTA much more often according to their personal needs than blue collar workers. Whereas 72 % / 60 % of all highly qualified male/female employees with WTA were able to (co-)decide on the amount and distribution of their working time, only 19 % / 12 % of the low qualified blue collar workers with WTA could do so. Among the latter group, 46 % / 36 % of the WTA were primarily run according to the companies' needs [Bauer et al., 2004, S. 125; Klenner, 2005, S. 222].

Will long term working time accounts be a crucial instrument within future working time schemes offered by companies, and can they be a cornerstone for a new life course orientation? Some aspects lead to a rather sceptical assessment here.

— Long term WTA are not a solution to the upcoming shortage in qualified personnel. On the contrary, when specialists work more today to retire earlier (thanks to their time credits), this will even increase the labour shortage in the long term. This way the business cycle is not accommodated by the facilitation of the life cycle

— When long term WTA are concentrated on an earlier labour market exit (as it is now), this will reduce the incentives to invest in older workers and their training.

— In times of labour shortage there might be problems to take time out of one's WTA for other reasons, as a sabbatical. As the experience shows, working time credits are sometimes cancelled and cannot really be used up by the employee. Here the paradox seems to be that a long-term perspective, as embedded in a WTA and in life course policies in general, may produce counter-effects if in practice it appears difficult to reap the fruits of the savings made.

— Problems can also arise when savings suffer from inflation, e.g. when neither the legal framework nor collective or company agreements guarantee the value of the savings in real terms over time.

Lehndorff (2005) illustrates how different the actual use of WTA can be from a life-course perspective. In a recent analysis based on company case studies [Haipeter, Lehndorff, 2004], the reality of long term working time accounts turned out to be connected with additional work stress in some companies whereas WTA increased workers' time sovereignty and working conditions in other companies. In the negative cases, the situation was dominated by overboarding WTAs and employees often were not able to take the time they had saved out of their WTA due to an increasing shortage of staff that actually limited their room for manoeuvre. Reductions in personnel can therefore be decisive for the actual flexibility (or missing flexibility) offered by WTA. If the company is understaffed, employees who get sick might be expected to take time out of their working time accounts. Other companies, on the contrary, had clearly defined rules limiting the endless increase of overtime, or defined pathways to shift time from short term to long term WTA, or they made sure that the employee really had the opportunity to influence his working time and to take off the time had previously saved.

In an empirical study on overflowing WTAs in Germany, Bauer, Groß, Munz, Sayin (2002) came to the result that 40 % of the respective companies made sure that

the WTA was balanced again soon, 20 % paid money for overtime beyond the upper limit⁸, 5 % of the companies shifted the time to long term WTAs — and in 18 % of the companies finally the saved time credits beyond the upper limit got lost for the employees. In a follow-up study, Bauer, Groß, Lehmann, Munz (2004) concluded that in about 80 % of all cases WTA were actually used to balance time needs; in the remaining 20 % either money was paid for overtime, or overtime beyond the fixed limits got lost. Munz (2006) sums up that in Germany employees vary their working time more often for company reasons than for private reasons. Employees with flexible working times do overtime more often than their colleagues with fixed working times, and they more often work overtime without any compensation. However, the time sovereignty of employees is positively correlated with the existence of clearly regulated WTA (that define rules for the handling of overboarding time credits), and with the existence of a work council in the company that can control these rules.

Actually it appears that the ‘working culture’ within the company is more important than specific company-level provisions, as Hochschild (1997) has shown in a US-study. Ultimately, the necessary social policy debate on role models should lead to a paradigm shift in companies, creating a situation where each employee is automatically also seen as a person with time needs beyond paid work, e.g. as a caregiver or as somebody involved in other socially relevant activities that can change over the life-course [Klammer, Klenner, 2004]. This requires that companies no longer base their planning concepts on the assumed norm of the (qualified male) employee who is freed from the full range of household duties.

At the same time it has become clear when looking at companies’ interests and flexibility needs that we cannot expect companies to mainly focus on their employees’ life-course needs irrespective of the business needs. The synchronization of the business cycle and the life cycle is not self-evident. Companies’ pressures and motives as well as their needs concerning flexibility and security, as well as the time horizon for their actions, are not necessarily congruent with those of their employees. Due to this fact, implementing a life-course perspective requires the simultaneous involvement of different actors — the state, the social partners and the company — with different tasks.

Old and new tasks for different actors in a life-course approach

A sustainable life course approach would have to allow variations and fluctuations in labour market participation and working times for people in different life situations and with different priorities [Klammer, Klenner, 2004; BMFSFJ, 2006]. The contribution of the state can be to generate the legal framework for different time-based options and to add these life phase-regulations to a coherent life-course approach.

All EU countries have granted individuals a set of rights and entitlements with respect to leave schemes for various matters (maternal, educational), also due to EU obligations, but these entitlements are not strongly interwoven. Moreover, the scope of these schemes and their generosity (length, replacement rates/payment, unilateral

⁸ It is also reported that the habit of compensating overflowing WTAs in money has led to employees’ unnecessary extension of their working time (e. g. in the German Software AG — the XML company, see www.arbeitsberatung.de), so that the system had to be changed.

decision by employee to take up leave or consent required from employer) vary significantly across countries, with the Nordic countries, in particular Sweden, in many ways taking the lead. These conditions do determine actual take up rates.

We can also observe large differences in the relationship between statutory law and collective bargaining. In some countries, e. g. France and Italy, most of the life-course related laws are first and foremost formulated at the statutory level. Collective labour agreements in these cases simply reflect or repeat these provisions. In other countries, e. g. Denmark and the Netherlands, the role of collective bargaining partners is more prominent. Innovation often starts at the sector level and is ultimately ‘codified’ at the central level of labour law and social security law (i. e. the case in the Netherlands, e. g. regarding workers’ rights to work more or less hours; in Denmark statutory regulation remains much more modest compared to collective bargaining).

In Germany (as in some other European countries such as France and the UK), there have been significant changes in labour law and collective bargaining which show that the employee’s need to facilitate the combination of work and family life have been recognized and improved. On the other hand, most of those changes can be attributed to efforts to improve conditions with regard to child care, and have thus only a limited relevance as concerns the individual’s complete life-course.

What is still missing is an overall approach towards the consideration of individuals in their diversity with differing personal needs over their life-course. However, as the discussion of the career break scheme in Belgium and the life course policy in the Netherlands has shown, there are first examples of an integrated life course framework in some European countries.

The Netherlands proved to have so far managed to provide the closest life-course approach in legislation and collective bargaining of all European countries. The country is in the process of applying an overall approach towards work-life-balance which facilitates for the individuals to decide and to arrange rather by themselves how each wants to match one’s personal needs to one’s working life.

While both the Belgium career break scheme as well as the Dutch life-course scheme contain a lot of potential in terms of a life-course approach, these examples also reveal the potential danger from the perspective of some groups of citizens: When the state only concentrates on organizing a scheme that allows people to save time and money for all kind of needs during their individual life course without any differentiation concerning the motives for working time reductions and work interruptions, there is an obvious risk for a further individualisation of risk-coverage. Some people might need the time to recover, others might just save for long sabbaticals to travel around the world. It can also be assumed that such a system would not be gender neutral: whereas women would probably mainly save to cover care times, men might rather save for early retirement. This danger of the further individualization of risks under the cover of an individual life course saving scheme can only be avoided by deciding which situations in life, e.g. child care or elder care, (still) need some public, collectively financed support within the welfare state, and by integrating such regulations in an overall life-course framework. The role of the state in establishing a life-course policy therefore comprises the setting of legal rights to adjust one’s working time (working time reduction/working time extension) as well as options to leave and to re-enter the labour market (e. g. for parental leave), minimum standards for

work contracts but also cash benefits for defined life phases and risks. This process of re-structuring and integration of collective, so far separated support schemes into a coherent life course scheme necessarily requires a normative discussion.

Based on such a legal framework, collective agreements can forerun, extend or specify legal regulations concerning leaves and flexible working times. Companies can acknowledge the framework defined by the state and by collective agreements and they can draw up provisions to operate within this framework. To support this, the state can also encourage companies to adopt a life-course policy by creating incentives of various kinds — such as tax benefits for companies which provide certain family-friendly working times, by making the awarding of public contracts dependent on life course sensitive corporate policies, or through certification schemes and public awards. Economic arguments (as developed in [Prognos, 2003]) may create an additional and potentially strong incentive to ensure that personnel policy in companies is more family-friendly and life-course oriented.

Bibliography

- Arrowsmith, J./Sisson, K. (2001): Working time developments and the quality of work. European Industrial Relations Observatory On-line, Dublin.
- Bauer, F./Groß, H./Lehmann, K./Munz, E. (2004): Arbeitszeit 2003. Arbeitszeitgestaltung, Arbeitsorganisation und Tätigkeitsprofile, Berichte des ISO, Köln.
- Bauer, F./Groß, H./Munz, E./Sayin, S. (2002): Arbeits- und Betriebszeiten 2001, Köln.
- BMFSFJ (Ed.) (2006): Familie zwischen Flexibilität und Verlässlichkeit. Perspektiven für eine lebenslaufbezogene Familienpolitik, Siebter Familienbericht, Berlin
- Commission of the European Communities (2003): The Stockholm and Barcelona targets: Increasing employment of older workers and delaying the exit from the labour market, Commission Staff Working Paper, SEC (2003) 429, Brussels.
- Council of the European Union (2003): Council Decision of 22 July 2003 on guidelines for the employment policies of the Member States, in: Official Journal of the European Union, 5.8.2003, L 197 13 — L 197 21.
- Diewald, M./Brose, H.-G./Goedicke, A. (2004): Arbeiten und Haushalten – Wechselwirkungen zwischen betrieblichen Beschäftigungspolitiken und privater Lebensführung, in: Struck, O./Koehler, C. (Ed.): Beschäftigungsstabilität im Wandel, München/Mehring, p. 287 – 309.
- Diewald, M./Brose, H.-G./Goedicke, A. (2005): Flexicurity im Lebenslauf. Wechselwirkungen zwischen pluralen Lebensformen und betrieblichen Beschäftigungspolitiken, in: Kronauer, M./Linne, G. (Ed.): Flexicurity. Die Suche nach Sicherheit in der Flexibilität, Berlin, p. 223 — 247.
- Erlinghagen, M. (2004): Die Restrukturierung des Arbeitsmarktes: Arbeitsmarktmobilität und Beschäftigungsstabilität im Zeitverlauf, Wiesbaden.
- Ernst, F. A. (1997): Die Integration von unternehmens- und personenbezogenen Lebenszyklen. Eine Konzeptualisierung unter besonderer Berücksichtigung des Unternehmenslebenszyklus, Bamberg.
- European Foundation for the Improvement of Living and Working Conditions (Ed.) (1999): Pacts for employment and competitiveness: concepts and issues, Dublin.
- European Foundation for the Improvement of Living and Working Conditions (Ed.) (2003): A new organisation of time over working life, Luxembourg.
- European Foundation for the Improvement of Living and Working Conditions (Ed.) (2006): Working time options over the life course: New work patterns and company strategies, Luxembourg.

- Franzpötter, R./Renz, C. (2002): Organisatorische Restrukturierung und Wandel der Arbeitsbeziehungen. Ergebnisse einer empirischen Untersuchung in der baden-württembergischen Wirtschaft. Akademie für Technikfolgenabschätzung. Arbeitsbericht Nr. 211, Stuttgart.
- Graf, A. (2002): Lebenszyklusorientierte Personalentwicklung, Berner betriebswirtschaftliche Schriften 29, Bern.
- Graf, A. (2001): Lebenszyklusorientierte Personalentwicklung, in: *io*management 3/2001, p. 24 — 31.
- Gross, P. (1993): Dissonanz der Lebenszyklen. Zwischen Produktlebenszyklen und Lebensportfolio, in: *gdi impuls* 1/1993, p. 39 — 47.
- Haipeter, Th./Lehndorff, St. (2004): Atmende Betriebe, atemlose Beschäftigte: Erfahrungen mit neuartigen Formen betrieblicher Arbeitszeitregulierung. Forschung aus der Hans-Böckler-Stiftung 57, Berlin.
- Hochschild, A. R. (1997): *The time bind. When work becomes home and home becomes work*, New York.
- <http://www.arbeitsberatung.de>
- <http://www.workingtimeevaluator.com>
- Klammer, U./Klenner, C. (2004): Geteilte Erwerbstätigkeit — Gemeinsame Fürsorge. Strategien und Perspektiven der Kombination von Erwerbs- und Familienleben in Deutschland, in: Leitner, S./Ostner, I./Schatzenstaller, M. (eds): *Wohlfahrtsstaat und Geschlechterverhältnis im Umbruch. Was kommt nach dem Ernährermodell? Jahrbuch für Europa- und Nordamerikastudien 7*, Wiesbaden, p. 177 — 207.
- Klammer, U./Tillmann, K. (2002): Flexicurity — Soziale Sicherung und Flexibilisierung der Arbeits- und Lebensverhältnisse, MASQT 1106, Düsseldorf.
- Klenner, C. (2005): Arbeitszeit, in: Bothfeld, S./Klammer, U./Klenner, C./Leiber, S./Thiel, A./Ziegler, A.: *WSI-FrauenDatenReport 2005*, Berlin, p. 187 — 240.
- Lehndorff, S. (2005): Arbeitszeitregulierung unter Druck. Über die schwierige Suche nach einem neuen Flexibilitätskompromiss, in: Kronauer, M./Linne, G. (Ed.): *Flexicurity. Die Suche nach Sicherheit in der Flexibilität*, Sigma: Berlin, p. 205 — 220.
- Leitner, S./Ostner, I./Schatzenstaller, M. (Ed.) (2004): *Wohlfahrtsstaaten und Geschlechterverhältnis im Umbruch. Was kommt nach dem Ernährermodell?*, Wiesbaden.
- Massa-Wirth, H./Seifert, H. (2004): Betriebliche Bündnisse für Arbeit mit begrenzter Reichweite?, in: *WSI-Mitteilungen* 5/2004, S. 246 — 254.
- Mayrhofer, W. (1992): Individueller Lebenszyklus und Lebensplanung, in: Gaugler, E./Weber, W. (Eds.): *Handwörterbuch des Personalwesens*, 2nd edition, Stuttgart, column 1240 — 1254.
- Munz, E. (2006): Mehr Balance durch selbstgesteuerte Arbeitszeiten?, in: *WSI-Mitteilungen* 9/2006, p. 478 — 484.
- OECD (2004): *Peer review — Developing highly-skilled workers (19/04/2004)*.
- Prognos AG (2003): *Betriebswirtschaftliche Effekte familienfreundlicher Maßnahmen — Kosten-Nutzen-Analyse im Auftrag des BMFSFJ*, Köln.
- Román, A./Heylen, L./Schippers, J. (2006): *Career breaks in Belgium: how they affect labor participation and individual careers*, Tilburg.
- Sattelberger, Th. (1995): Lebenszyklusorientierte Personalentwicklung, in: Sattelberger, Th. (Ed.), *Innovative Personalentwicklung*, 3rd edition, Wiesbaden, p. 287 — 305.
- Voß, G./Pongratz, H.-G. (1998): Der Arbeitskraftunternehmer. Eine neue Grundform der Ware Arbeitskraft?, in: *Kölner Zeitschrift für Soziologie und Sozialpsychologie*, 50, p. 131 — 158.
- Wilthagen, T. (2003): *De overgankelijkke arbeidsmarkt en het (on)vergankelijkke social recht*, Tilburg (inaugural lecture).

ББК 60.542.2

О. В. Климашевская, А. В. Крутов

ГЕНДЕРНАЯ ПОЛИТИКА ГОСУДАРСТВА: ГЕНЕЗИС ПОНЯТИЯ

В современной политической науке и практике все чаще стал употребляться термин «гендерная политика». Его можно найти у С. Г. Айвазовой, О. А. Ворониной, Т. А. Мельниковой, И. Н. Тартаковской, А. Н. Темкиной, О. А. Хасбулатовой, Н. А. Шведовой и других. Более того, в программы повышения квалификации управленческих кадров, преподавателей и учителей вводятся курсы по изучению не только основ гендерных знаний, методов гендерного подхода в управлении образовательными процессами, но и гендерной политики.

В последнее десятилетие понятие «гендер» стало активнее применяться при изучении политических явлений и уже используется как критерий для выделения политической субкультуры; как фактор, определяющий политическое участие и поведение; как ценз для получения избирательных прав; как условие для рекрутирования политических элит; как переменная в ряду религиозных, национальных, экономических, социальных факторов [6, с. 159; 16, с. 149; 18, с. 39; 21, с. 413]. Но все-таки большинство авторов учебной литературы по политологии [9, 19, 20, 22, 26] этой темы не касаются, в случае же необходимости обращения к гендерной проблематике прибегают к расплывчатым характеристикам: половозрастные и демографические различия; неравенство, порожденное половыми различиями; стереотип поведения, обусловленный полом.

Как целостная категория политического анализа «гендерная политика» еще не нашла однозначного определения. Разное понимание данного термина подтверждается разной смысловой нагрузкой, которой наделяют его исследователи. Такое положение дел вызывает необходимость анализа понятия «гендерная политика государства».

Слово «гендер» заимствовал из грамматики и ввел в обществоведческие науки эндокринолог Дж. Мани в 1995 г. для «объяснения видимых различий личностных и поведенческих характеристик мужчин и женщин» (см.: [14, с. 43]). Распространено в соответствующей литературе [2, с. 36—39; 3, с. 18; 11, с. 55; 12, с. 13; 34, с. 18—19; 35, с. 13; 37, с. 31; 38, с. 6—7] и понимание гендера, принадлежащее Э. Оукли. «Пол» (sex) является словом, которое соотнесено с биологическими различиями между мужчиной и женщиной: видимая разница в гениталиях, соответствующая разница в воспроизводящей функции. «Гендер» (gender) является предметом социокультурного исследования, поскольку он соотнесен с биосоциальной классификацией на «маскулинное» и «фемининное» постоянство пола. Такое понимание гендера не заменяет понятия биологического пола, но последний рассматривается как его сущностно необходимая характеристика.

Некоторые исследователи (В. Пламвуд, Э. Ф. Келлер) теоретически обосновывали необходимость деления на биологический пол и гендер, другие (М. Гейтенс, Э. Маккоби, Э. Гросс) настаивали на исключении такого деления. Ученые, использующие понятие «гендер» как нетождественное биологическому полу человека, аргументируют это тем, что биологический пол присущ человеку еще до рождения, гендер же — это весь поведенческий комплекс, характерный для мужчин и женщин. Он может меняться в ходе исторического развития общества [25, 31, 36].

Часто термин «гендер» применяется для обозначения «социального пола», т. е. социально детерминированных ролей, идентичностей и сфер деятельности мужчин и женщин, зависящих не только от биологических половых различий, но еще и от социальной организации общества. Похожим смыслом наделял данное понятие П. Бурдьё. Он понимает гендер как «социальную особенность пола человека в отличие от биологического пола (*sex*), социально-ролевой статус, который определяет социальные возможности человека — мужчины и женщины — во всех сферах жизнедеятельности» [5, с. 23]. Гендер можно рассматривать как принадлежность к классу, группе, категории, что соответствует одному из значений слова «род» в русском языке.

Обобщая, скажем, что гендер — это социальная модель мужчины и социальная модель женщины, посредством которых рассматривается положение в обществе обоих полов в равной степени и не делается акцент на каком-то одном.

Наличие научного термина «гендерная политика» еще не значит, что он отражает существующую объективную реальность, когда гендерные процессы стабильно проявляются в той степени, что могут инициировать создание выделенного направления государственной политики. В определенной мере подобные проблемы уже решаются социально-трудовым, кадровым, региональным, семейным, демографическим и другими направлениями работы государства.

Политика не представляет собой вещественной субстанции, не создает ничего материального, результатом ее является новый общественный порядок, система отношений между людьми. Политику можно рассматривать как деятельность по достижению общественно значимых целей, включающую принятие решений и осуществление действий.

Наличие политического (см.: [15]) означает, по выражению Э. Фольрата, амбивалентную модальность определенного вида и способа для действий, институтов, событий, личностей происходить и совершаться. Он называет три критерия политического: общность, публичность и свободу. Политическое в гендерных процессах должно быть обусловлено, по К. Шмитту, высокой степенью ассоциации или диссоциации и готовностью группы отстаивать свои интересы вплоть до войны. Гендерные проблемы могут стать политическими, если они достигнут уровня основных политических узлов эпохи, как это было с религиозными проблемами в Средневековье, экономическими — в Новое время. Согласно Х. Буххайму, политическое представляет собой совокупность совместно выступающих социальных групп или институтов, чье объединение определяется меняющейся диспозицией — соотношением социальных ролей и намерений в обществе. Политический союз — это объединение, способное реагировать на изменяющуюся ситуацию; но гендерная диспозиция пока еще не

формирует политического союза. Для У. Бека политическое означает творческую, самотворящую политику, которая не культивирует и не воспроизводит старое противостояние, извлекая из него средства власти, а выковывает и различает новые содержания, формы и коалиции; в этом контексте гендер пока еще не стал источником нового содержания, форм, коалиций. По Т. Майеру, политическое есть непрерывный цикл, в котором жизненный центр гражданской добродетели производит общественную практику свободы; и в этом понимании еще рано говорить об общественной практике свободы, вызванной гендерными процессами.

Неверно и утверждение, что гендерной политики нет. В ней, как и в политике вообще, воплощается идея аристотелевской телеологии: сущность обнаруживается в точке наивысшего развития объекта, она в достаточной степени скрыта и постепенно проявляется по мере движения к этой точке. Пока же мы находимся в начале этого пути: гендерная политика еще не проявила сущности, требующей серьезного вмешательства государства; гендерные процессы не всколыхнули общество, влияя на общность, публичность, свободу.

Цель гендерной политики — достижение фактического гендерного равенства. Оно означает, что все люди обладают свободой выбора и свободой для развития своих личных способностей без ограничений, которые накладываются на них стереотипами и традиционной *гендерной системой* [24, с. 2]. И. Хирдман [30, с. 38] рассматривает гендерную систему как совокупность отношений между мужчинами и женщинами, включающую представления, неформальные и формальные правила и нормы, определенные в соответствии с местом, целями и положением полов в обществе. На главенствующих принципах гендерной системы строится распределение обязанностей, трудовой нагрузки, дохода, доступа к экономическим и интеллектуальным ресурсам и к принятию политических решений.

Зачастую ученые, политики и феминисты не видят разницы между гендерной и женской политикой, по-разному понимают суть гендерного равенства, гендерных ролей. Представляется, что существуют три основные точки зрения.

О. А. Хасбулатова [29, с. 3] предлагает **комплексное измерение гендерной политики**, под которой она понимает политику, затрагивающую интересы, потребности мужчин и женщин, носящие конкретно-исторический характер. (Данное определение представляется наиболее совершенным по содержанию, т. к. говорить абстрактно о гендерном равенстве бесперспективно и мало-результативно.) Содержание и результативность гендерной политики обуславливают следующие факторы: *идеологический*, отражающий высокий уровень понимания сущности гендерных вопросов и господствующую систему взглядов на роль мужчины и женщины в обществе; *социально-экономический* — как степень социально-экономического развития общества; *институциональный*, характеризующий политический режим и уровень развития демократии; *ситуационный*, демонстрирующий позицию и инициативу субъектов политики — властных государственных структур, политических партий, общественных движений, населения. В качестве определяющего элемента гендерной политики исследовательница выделяет *тип социальной политики*, характер взаимоотношений между государством и семьей, демонстрирующих социальное парт-

нерство, протекционизм или невмешательство, и позицию институтов гражданского общества (политических партий, общественных движений и женских организаций) [29, с. 4—5].

Если О. А. Хасбулатова разграничивает такие понятия, как «женская государственная политика» и «гендерная политика государства», то некоторые авторы зачастую отождествляют их, рассматривая проблемы гендерного равенства. В частности, такая попытка наблюдается у С. М. Шакировой, которая предлагает типологию гендерных политик, взяв за основу различия только один, на ее взгляд ключевой, аспект: в какой мере политика учитывает роль *женщин* в политическом, экономическом и социальном развитии [34, с. 2]. Очевидно, что в качестве объекта автором рассматривается ограниченная часть общества, непосредственно женщины, не учитывается мужской фактор, даже в случаях, когда ставится цель выравнять статусные позиции обоих полов. И. Р. Чикалова также односторонне подходит к рассмотрению гендерной политики, учитывая проблему дискриминации только одного женского пола. Ею рассматриваются исключительно вопросы политического участия и представительства женщин, а также политика женских движений [32, с. 16—17]. Не давая конкретного определения термину «гендерная политика», она подразумевает под ним пути и динамику вхождения женщин в общегосударственные и местные законодательные органы, оценивает факторы и барьеры, препятствующие продвижению женщин в политику, анализирует взаимосвязь между организацией избирательной системы и электоральными шансами женщин, а также масштабы активности женских организаций.

О. А. Хасбулатова, напротив, помимо анализа гендерной политики ввела и проанализировала понятие «женская государственная политика», обозначив основные отличия между ними. Во-первых, объектом женской политики являются женщины как дискриминируемая часть населения, а объектом гендерной политики — общество в целом. Во-вторых, субъектами женской политики выступают органы *социальной* службы, работающие в сфере поддержки женщин, семьи, детей; субъектом гендерной политики являются органы разных структур *государственной* службы. В-третьих, женская политика носит конкретный характер и направлена на решение практических задач, гендерная политика является фундаментальной стратегией, ее осуществление требует более длительного времени. В-четвертых, органы, занимающиеся проблемами улучшения положения женщин, сосредоточены, как правило, в одном или нескольких министерствах; в ходе реализации гендерной политики необходимо создать специальные структуры в каждом министерстве с тем, чтобы анализировать влияние принимаемых решений на достижение равенства полов.

Подход О. А. Хасбулатовой, который лежит в основе осуществления гендерной политики, находит свое место во всех политических и социальных областях жизни и касается интересов как женщин, так и мужчин. Другая позиция будет неправильной. В подтверждение можно привести работу А. А. Тёмкиной [28], исследовавшей факторы препятствия продвижению женщины в политику, начиная с семейно-бытовых и заканчивая социально-политическими. В политической сфере, по ее мнению, в наибольшей степени проявляется дискриминация в отношении женщин (исследовательница проанализировала итоги пар-

ламентских и президентских выборов). При этом она не учитывала факты дискриминации в отношении мужской части населения.

Если посмотреть в корень проблемы *гендерного равенства*, которая затрагивает вопросы реализации равных прав и равных возможностей обоих полов в одинаковой степени, то абстрагироваться от фактов дискриминации в отношении мужской части населения некорректно, тем более что в практике Российского государства они существуют. Анализ гендерной политики в отношении проблемы равенства с женской точки зрения будет неполным и субъективным. Например, ст. 20 Конституции России гарантирует каждому гражданину страны право на жизнь, а п. 3 ст. 56 утверждает, что права и свободы, предусмотренные ст. 20, не подлежат ограничению. Однако государство имеет право в любой момент распорядиться жизнью мужчины по своему усмотрению, вплоть до ее лишения. Речь идет прежде всего о принудительном наборе в армию или беспрепятственном направлении мужчин в места, представляющие непосредственную угрозу их жизни («горячие точки» — места вооруженных конфликтов разной интенсивности). Государство обладает таким правом, исходя из следующих строк воинского устава: «Военнослужащий обязан: быть верным Военной присяге, беззаветно служить своему народу, мужественно, умело, не щадя своей крови и самой жизни, защищать Российскую Федерацию, выполнять воинский долг, стойко переносить трудности военной службы» [7, с. 13]. Очевидно, что никакой командир не посмеет требовать исполнения этого положения от военнослужащих-женщин.

Таким образом, государственная гендерная политика должна быть направлена не на улучшение положения женщин, а на фактическое достижение гендерного равенства с учетом интересов и возможностей обоих полов в равной степени.

«Трудовое» измерение гендерной политики, концентрируясь на социально-экономических аспектах изучения, предлагает Т. Ю. Журженко, исходя из разделения труда между полами, регулирования участия женщин в сфере общественного производства и социального воспроизводства. Гендерную политику она понимает как «комплекс условий, создаваемых в обществе действием или бездействием государства и его органов, в которых женщины вынуждены принимать решения, касающиеся создания семьи, рождения ребенка, получения образования, выбора формы занятости, совмещения домашних обязанностей и оплачиваемого труда» [13, с. 12]. В данном случае исследовательница придерживается трактовки понятия в широком понимании, предложенной еще С. Уолби: гендерная политика имеет воздействие на разделение труда между полами посредством навязывания таких социальных условий, в которых мужчины и женщины вынуждены принимать соответствующие «гендерные» роли. По трактовке Т. Ю. Журженко, гендерная политика регламентирует разделение труда в обществе, где мужчины и женщины, принимая «гендерные» решения, должны учитывать обстоятельства и условия, созданные государственными структурами и органами власти.

Антрополог Г. Рубин и социолог Дж. Хубер пришли к похожим выводам на основе анализа гендерной стратификации общества [25, 31]. Во-первых, в экономической деятельности человека присутствует гендерное разделение тру-

да, гендерные отношения зависят от участия полов в производстве и воспроизводстве. По их мнению, женщины включены в три вида деятельности: производственную, воспроизводственную (репродуктивную), а также деятельность по поддержанию социальной интеграции в рамках локального сообщества или социальной группы; мужчины, как правило, включены в производственную и интеграционную деятельность. При этом оплачиваемый труд производственной сферы признается в обществе более значимым и дает возможность контроля над перераспределением ресурсов, что, в свою очередь, обеспечивает гендерную иерархию (стратификацию) в пользу мужской части населения. Социальное воспроизводство традиционно входит в круг женских видов деятельности как прерванная занятость, неполный рабочий день, низкооплачиваемая работа, что способствует гендерному неравенству. Следовательно, в содержание гендерной политики входит государственная политика, имеющая возможность изменять гендерные модели занятости и воспроизводственной деятельности, включая государство в эти отношения. Во-вторых, исследователи, ссылаясь на С. Гала и Г. Клигмена [10], обосновали, что государство конструирует гендерную стратификацию в обществе посредством влияния гендерной политики на домашнее разделение труда, доступ к наемному труду мужчин и женщин, уровни его вознаграждения и защиты, доступ к социальным пособиям.

В отдельных сферах общественной жизни имеется гендерная иерархия. Так, в некоторых отраслях промышленности и сельского хозяйства установлены разные нормы выработки для мужчин и женщин; в спорте жестко ограничено мужское и женское участие в соревнованиях, нарушение этого «неравенства» приводит к серьезным моральным и юридическим последствиям.

Таким образом, в область компетенции гендерной политики помимо достижения соответствующего равенства во всех сферах жизнедеятельности должно быть включено создание, регулирование и контролирование основ гендерной иерархии в обществе.

Социально-ролевое измерение гендерной политики провела С. Г. Айвазова [1]. В личностном плане (на микроуровне), по ее мнению, существует психологический дискомфорт, что в конечном итоге приводит к появлению неопределенности жизненных ориентиров, особенно у женщин. На уровне общества и государства (на макроуровне) у женщин возникает конфликт *внутриличностных* ролей, вследствие чего неизбежна низкая мотивация к гражданской активности, а также неустойчивость и даже иллюзорность представлений о существовании настоящих демократических институтов. *Гендерная политика* государства должна быть направлена на устранение конфликтов ролей на макро- и микроуровнях власти, на ликвидацию противоречий между традиционализмом и признаками вполне современных подходов к решению проблемы гендерного равенства. Под *современным решением проблемы гендерного равенства* С. Г. Айвазова подразумевает принятие ряда важных законодательных мер, которые были разработаны в соответствии с лучшими мировыми стандартами. В рамках гендерной политики в Конституцию РФ были включены нормы гендерного равноправия, в 90-х гг. появился ряд правовых документов, касающихся государственной политики в отношении женщин, а также разработаны два Национальных плана по улучшению положения женщин (первый рассчитан на

1996—2001 гг., второй — на 2001—2005 гг.). Однако в процессе непосредственной реализации намеченных планов проявился *традиционализм* государственной власти. Практически все принятые правовые документы имели сугубо декларативный характер: они не предусматривали ни финансовых, ни организационных ресурсов. Показателен тот факт, что из государственного бюджета не финансировались ни первый, ни второй Национальный план по улучшению положения женщин.

Иногда в понятие гендерной политики вкладывается сугубо политически-ролевой аспект, при этом в качестве приоритетного направления выделяется лишь достижение гендерного равенства в политической сфере [4].

Похожий смысл подразумевает И. Н. Тартаковская. Для нее гендерная политика интерпретируется как «система волеизъявлений обоих полов — женщин и мужчин — в гражданском обществе как равных в правах и возможностях, которые законодательно закреплены и реально обеспечены в осознании политико-правовых принципов, действиях, строительстве общественных и государственных структур с учетом гендерных интересов и потребностей» [27, с. 50]. Целью гендерной политики выступает партнерство мужчин и женщин именно в политической сфере, что, в свою очередь, является источником более полной и представительной демократии, в результате которой создаются реальные возможности учета многополюсных интересов в обществе. И. Н. Тартаковская ссылается на Европейское Сообщество, которое трактует гендерную политику как важную составную часть демократии, поэтому достижение гендерного равенства в политике является одной из приоритетных задач ЕС. Гендерная политика состоит в достижении паритетной демократии, обеспечивающей равный доступ к власти и управлению, одинаковое участие в принятии решений мужчин и женщин. В качестве субъектов гендерной политики автором обозначены не структуры и органы государственной власти, а социальные группы и их участники, имеющие равные возможности продвигать свои интересы в процессе принятия важных политических решений. Подобное отождествление инициаторов политики с группами вызвано отождествлением таких понятий, как «гендерная политика» и «гендерная демократия», принципы осуществления которых, а также цели и задачи, по мнению И. Н. Тартаковской, должны полностью совпадать.

Следует отметить попытки смешать гендерную политику с близкими явлениями. Некоторые ученые абсолютизируют ее важную составляющую (гендерное равенство). Так, О. А. Воронина вкладывает одинаковую смысловую нагрузку в такие понятия, как «политика по улучшению положения женщин» и «политика гендерного равенства». (Она указывает на «чрезвычайно важную позитивную роль» «эффективной государственной политики по улучшению положения женщин, *или* гендерному равенству в любой стране» [8, с. 11].) Ее позиция может объясняться ссылкой на официальный документ — «Пекинскую декларацию», где понятие «равноправие женщин с мужчинами» понимается как «подтягивание» [17, с. 56] женщин до мужского статуса. Кроме того, проанализировав некоторые области общественной жизни, исследовательница делает вывод, что на практике существует неравное распределение обязанностей, трудовой нагрузки, дохода, доступа к экономическим и интеллектуальным

ресурсам и к принятию политических решений; в большей степени дискриминация касается женской части населения. Выше уже было отмечено, что абсолютное равенство социально-биологически невозможно и ненужно для самого общества. Следовательно, приоритетным направлением гендерной политики государства должно быть устранение дискриминации в отношении женщин и в конечном итоге создание *баланса гендерных отношений* в обществе.

Подтверждением этому являются положения «Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин» ООН. Международный документ квалифицирует понятие дискриминации так: различие положения мужчин и женщин становится настолько важным, что выступает причиной нарушения прав. В Конвенции отмечается, что в рамках гендерной политики «принятие государствами... временных специальных мер, направленных на ускорение установления фактического равенства между мужчинами и женщинами, не считается дискриминационным, однако оно ни в коей мере не должно влечь за собой сохранение неравноправных или дифференцированных стандартов; эти меры должны быть отменены, когда будут достигнуты цели равенства возможностей и равноправного отношения» [23, с. 7]. Конвенция допускает принятие государствами-участниками специальных мер в виде «позитивной» дискриминации или квотирования, направленных на улучшение положения женщин, и не считает их дискриминационными по отношению к мужчинам.

Гендерная политика государства должна закладывать во всех сферах такие нормы и стандарты, рамки и направления развития, ограничения и свободы, которые позволят сформировать новые общественные отношения, в максимальной степени обеспечивающие гендерное равенство. Ему препятствуют стереотипы и система конкретно-исторических отношений, представлений, правил, принятых в данном обществе в условиях определенного способа производства. Фактическое гендерное равенство может быть связано и с некоторым юридическим, социальным или психологическим неравенством. Например, такая ситуация может возникнуть, если встанет политическая задача выравнивания численности мужчин и женщин репродуктивного возраста для разрешения гендерного конфликта. Гендерное равенство неизбежно приводит к гендерной иерархии, что должно изменить общественную значимость, степень вознаграждения, уровень престижа некоторых профессий и занятий. Так, воспитание и обучение чужих детей в детском саду, школе пока оценивается государством как оплачиваемая и общественно полезная работа, а домашнее воспитание своих детей как частное дело, финансируемое семейным бюджетом. В конечном итоге гендерная политика должна привести к балансу гендерных отношений в обществе. При этом женская политика государства будет являться составной частью гендерной политики.

В связи с этим можно сделать вывод, что, как бы по-разному ни трактовалось понятие «гендерная политика», описывается она вышепредставленными исследователями в широком смысле, а именно как деятельность органов государственной власти, направленная на достижение гендерного равенства во всех сферах жизнедеятельности общества.

Выяснилось, что в круг вопросов гендерной политики входят основные субъекты гендерной политики, их позиции, политическое участие женщин и

мужчин через политическое представительство и через участие в рамках гражданского общества.

Один из итогов проведенного анализа состоит в том, что большинство исследователей ассоциируют гендерную политику с государственной деятельностью, объектом которой в основном выступают женщины. Чаще всего ссылаются на женский опыт и соответствующие примеры, что в конечном итоге приводит к обнаружению дискриминации только по отношению к представительницам слабого пола.

Объяснением также может стать выявление разного понимания категорий «женская» и «гендерная» политика. На наш взгляд, стратегия первой призвана не заменять, а дополнять традиционную гендерную политику государства, затрагивая интересы женщин как специфической социально-демографической группы населения. Оба подхода могут существовать параллельно, пока в обществе не начнет складываться благоприятное общественное мнение в отношении равенства полов.

Таким образом, государственная гендерная политика — это последовательная система мер, направленных на создание, развитие, поддержание и защиту равноправия мужчин и женщин, призванная выражаться в конкретных результатах.

Библиографический список

1. Айвазова С. Г. Гендер и российская политика: конфликт микро- и макроуровней власти // Гендер. исслед. 2004. № 10. С. 87—98.
2. Андреева Г. М. Социальная психология. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1980. 480 с.
3. Антология гендерной теории / под ред. Е. И. Гаповой, А. Р. Усмановой. Минск : ПроPILEI, 2000. 384 с.
4. Безбородов А. А., Позднякова И. Р. Право женщин быть избранными в Государственную думу России // Государственная власть и местное самоуправление. 2007. № 4. С. 11—34.
5. Бурдые П. Мужское господство. Социальное пространство. Поля и практики. М. ; СПб. : Алетейя, 2005. 300 с.
6. Василик М. А., Вершинин М. С. Политология : элементарный курс. М. : Гардарика, 2003. 270 с.
7. Военно-медицинский журнал. 2008. № 3.
8. Воронина О. А. Государственные механизмы обеспечения гендерного равенства // Гендерное равенство в современном мире. М. : Макс Пресс, 2008. С. 11—26.
9. Гаджиев К. С. Введение в политическую науку. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Логос, 2000. 256 с.
10. Гал С., Клизмен Г. Формы государств, формы «семьи» // Семейные узы : модели для сборки : сб. ст. / под ред. И. С. Кона. М. : НЛЮ, 2004. С. 226—267.
11. Гендерные истории Восточной Европы / под ред. Е. И. Гаповой, А. Р. Усмановой. Минск : ЕГУ, 2002. 114 с.
12. Женская солидарность : пособие для мужчин и женщин / под ред. Е. Гаповой, Н. Кулинки. Минск : ПроPILEI, 2002. 168 с.
13. Журженко Т. Ю. Социальное воспроизводство и гендерная политика в Украине. Харьков : Фолио, 2001. 166 с.

14. Клиническая психология : учеб. / под ред. Б. Д. Карвасарского. СПб. : Питер, 2002. 496 с.
15. *Костюк К. Н.* Понятие политического в истории мысли и современной науке // Социально-гуманитарные знания. 1999. № 3. С. 58—71.
16. *Кривогуз И. М.* Политология. М. : Владос, 2001. 288 с.
17. Пекинская декларация и Платформа действий и Пекин + 5 : политическая декларация и итоговый документ / ООН, Департамент общественной информации. Нью Йорк, 2002. 304 с.
18. Политология / под ред. В. И. Буренко, В. В. Журавлева. М. : Перспектива, 2007. 252 с.
19. Политология / под ред. Д. В. Доленко, И. В. Бахлова, О. В. Бахловой. М. : Дело, 2002. 77 с.
20. Политология / под ред. М. А. Василица. М. : Дело, 2004. 138 с.
21. Политология : учеб. / под ред. А. Ю. Мельвиля. М. : Проспект, 2005. 624 с.
22. *Пугачёв В. П., Соловьёв А. И.* Введение в политологию. М. : Аспект-Пресс, 2000. 480 с.
23. Резолюция Экономического и социального совета № 11 (II) от 21 июня 1946 г. // Гендерное равенство в современном мире. С. 13—17.
24. Рекомендации к «Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации женщин». URL: <http://www.un.org> (дата обращения: 08.02.2010).
25. *Рубин Г.* Обмен женщинами // Антология гендерной теории / под ред. Е. И. Гаповой, А. Р. Усмановой. Минск : ПроPILEI, 2000. С. 99—113.
26. *Соловьёв А. И.* Политическая теория, политические технологии. М. : Аспект-Пресс, 2000. 576 с.
27. *Тартаковская И. Н.* Гендерная политика в Европейском регионе // Гендерное равенство в современном мире. С. 50—58.
28. *Тёмкина А. А.* Женское политическое движение как общественное движение: история и теория // Гендерная реконструкция политических систем. СПб. : Алетейя, 2003. С. 41—52.
29. *Хасбулатова О. А.* Российская гендерная политика в XX столетии: мифы и реалии. Иваново : Иван. гос. ун-т, 2005. 371 с.
30. *Хирдман И.* Женщины — от возможности к проблеме? Конфликт полов в «государстве всеобщего благоденствия» — шведская модель // Северная Европа. М. : АСТ-Пресс, 1995.
31. *Хубер Дж.* Теория гендерной стратификации // Антология гендерной теории. С. 77—99.
32. *Чикалова И. Р.* Партии и власть в США и Великобритании: гендерная политика в 1970—1990-е годы. Минск : Тесей, 2000. 254 с.
33. *Шакирова С. М.* Гендерные политики // История, теория, методология гендера / ГИАЦ. 2008. № 3. С. 68—88.
34. *Шестопал Е. Б.* Очерки политической психологии. Ростов н/Д : Феникс, 1990. 52 с.
35. *Юрьев А. И.* Введение в политическую психологию. СПб. : Изд-во ЛГУ, 1992. 35 с.
36. *Ярская-Смирнова Е. Р.* Феминистская критика социальной политики // Словарь гендерных терминов / под ред. А. А. Денисовой. М. : Информация — XXI век, 2002. 229—232.
37. *Hollander E. P.* Principles and Methods of Social Psychology. 3d ed. New York : Oxford University Press, 1976. 459 p.
38. Psychologie sociale / sous la direction de S. Moscovici, A. Colin. Paris : Cursus, 1984. 304 p.

ББК 60.561.51

Е. С. Сироткина

ФЕНОМЕН НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО МАТЕРИНСТВА: МНЕНИЕ СПЕЦИАЛИСТОВ СФЕРЫ ОБРАЗОВАНИЯ И СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ

В настоящее время несовершеннолетнее материнство — распространенное социальное явление. Проблема юного материнства в последние десятилетия становится все более актуальной в связи со снижением возраста сексуального дебюта, с ростом сексуальной активности подростков, их низкой контрацептивной культурой, возрастанием количества беременностей и родов девушек до 18 лет.

Материнство в возрасте до 18 лет сопровождается рядом затруднений жизнедеятельности, разрешение которых зависит как от самих девушек и их семей, так и от общества.

Адаптация несовершеннолетних мам к новым условиям затруднена по многим причинам. Девушки, как правило, не успевают получить среднее образование, у них нет возможности устроиться на работу. Кроме того, они экономически зависимы от своих родителей, ближайшего окружения. В случае, если девушка и ее семья оказались в трудной жизненной ситуации, необходимую им помощь должны оказать в государственных учреждениях социального обслуживания. В то же время социальная работа с данной категорией граждан находится на стадии своего становления.

По мнению Т. И. Греченковой, до последнего времени мамы, не достигшие совершеннолетия, не выступали в качестве объекта специального внимания государственных органов по поддержке и реабилитации [1, с. 158]. Как правило, субъектами социальной работы с данной категорией граждан являются образовательные учреждения и государственные органы социальной защиты.

С целью изучения существующих возможностей социальной работы с несовершеннолетними мамами в рамках образовательных и государственных учреждений социальной защиты автором было проведено социологическое исследование. Вопросы мотивационных установок девушек в сфере сексуальных отношений и сценарии сексуальности молодежи неоднократно анализировались в социологических исследованиях, поэтому мы не ставили цель изучить данный аспект. В исследовании принимали участие слушатели квалификационных курсов ГОУ ДПО «Нижегородский институт развития образования» (НИРО): педагоги и специалисты сферы социальной защиты г. Нижнего Новгорода и Нижегородской области.

© Сироткина Е. С., 2010

В анкетировании принимали участие 250 специалистов, работающих с детьми и молодежью: заместители по воспитательной работе, социальные педагоги, учителя, воспитатели социальных приютов.

Второй метод, использованный в исследовании, — фокус-группа с участием 10 специалистов сферы социальной защиты (социальных педагогов государственных центров реабилитации и помощи семье и детям Нижнего Новгорода и Нижегородской области). Основные вопросы: причины роста подростковых беременностей, существующие технологии социальной работы с данной категорией, потребность юных мам в дополнительной социально-правовой защите, возможность профилактики в рамках программ полового воспитания. Группа была составлена с таким учетом, чтобы выявить отношение к феномену несовершеннолетнего материнства.

Согласно данным анонимного анкетирования, работали с мамами-подростками 39 % респондентов, 13 % — неоднократно. Участники фокус-группы также оказывали помощь данной категории граждан.

В качестве основных причин ранней рождаемости в настоящее время специалисты указали изменение социальных норм в сексуальной сфере (56 %), трансформацию брачно-семейных отношений (41 %), отсутствие государственной системы образования по вопросам полового просвещения (39 %).

Специалисты социальной защиты сошлись во мнении по данному вопросу. Большая часть участников фокус-группы утверждала, что всему виной неправильное половое воспитание ребенка в семье. Как правило, в центры попадают несовершеннолетние дети из семей, находящихся в социально опасном положении. Родители в таких семьях не занимаются нравственным воспитанием детей. И кроме того, были выявлены случаи, когда родители способствовали сексуальному развращению своих детей, вовлечению их в занятие коммерческой секс-работой. *«Одна девочка постоянно поступала в наш центр. Родители от нее отказывались. Так как ее биологические родители научили ее жить с мужчинами, они торговали ею. Она пила, курила, убегала из приюта. Она заявляла нам, что ей необходимо заниматься сексом с мужчинами, она хочет этого, а в центре не с кем и негде».* В связи с этим у таких детей формируется искаженное представление о нормах полового поведения, как заметили специалисты: *«Они “хвалятся” своим сексуальным опытом, и это в 14—16 лет! У многих детей повышенный интерес к противоположному полу, не соответствующий нормам морали. В основном виноваты в этом дурная наследственность и среда, под влиянием которой оказываются дети».* Специалисты считают, что у данных подростков проявляются гормональные и психические нарушения, и они не знают, как необходимо строить реабилитационную работу с девушками.

Специалисты также обеспокоены тем, что у многих детей повышенный интерес к вопросам сексуальных взаимоотношений. В качестве причины ранней сексуальной активности подростков называют доступность информации по этой теме в СМИ и раннее половое созревание. В исследовании С. В. Скутневой пропаганду в СМИ сексуальной вседозволенности респонденты также относят к одной из основных причин ранней рождаемости [4, с. 117].

Несмотря на то что в молодежной среде добрачные сексуальные отношения стали нормой, с точки зрения старшего поколения они нежелательны и осуждаемы [3, с. 102]. 64 % от общего количества респондентов осуждают вступление девушки в половую жизнь до брака и 57 % склонны полагать, что юноше также следует воздерживаться от раннего сексуального дебюта.

Респонденты чаще всего отрицательно относятся к таким явлениям, как отказ несовершеннолетней матери от ребенка (81 %), прерывание беременности несовершеннолетней девушкой (52 %). Важно отметить, что 34 % респондентов осуждают рождение ребенка несовершеннолетней девушкой.

Два респондента отметили, что в настоящее время существует негативный настрой общества к юным мамам: *«часто молодая мама переживает осуждение общества», необходима «защита от негативно настроенных слоев общества».*

Специалисты сферы социальной защиты крайне отрицательно настроены к раннему сексуальному дебюту подростков, беременности и абортам девушек. *«Я считаю, что распущенность в сексуальном плане подростков недопустима. Это противоречит нормам морали и вредит репродуктивному здоровью подростков. Я против и ранних браков».*

Большинство специалистов относят несовершеннолетнее материнство к девиантному поведению. *«Ранняя беременность калечит детские судьбы, потому что это еще дети, не сформировавшиеся полностью как морально, так и физически. По моим наблюдениям, многие дети у таких мам рано или поздно оказываются в детских домах, социально-реабилитационных центрах или, в лучшем случае, воспитываются у ближайших родственников, в патронатных семьях, приемных и т. д. Судьба этих детей покалечена, часто они встают на путь, который не соответствует моральным нормам жизни».*

Интересен тот факт, что в случае, когда специалисты оказывают помощь юным мамам, они меняют свой негативный настрой к девушкам на снисходительный или одобрительный.

В своем диссертационном исследовании Т. И. Греченкова акцентирует внимание и на таких «специфических» проблемах юных мам, как одиночество и стигматизация со стороны общества [1, с. 175].

В то же время мы не можем однозначно говорить о существующей стигматизации несовершеннолетних матерей. По данным исследования С. В. Скутневой, несмотря на убежденность в том, что юные мамы страдают от негативного настроения общества, девушки не сталкивались со случаями осуждения себя и своего ребенка [4, с. 116—117].

Как показало наше исследование, существуют определенные стереотипы относительно несовершеннолетнего материнства. Все респонденты указывают на случаи дискриминации, осуждения матерей-подростков в обществе.

Т. М. Резер считает, что беременность и аборт несовершеннолетних девушек — медико-социальная проблема [3, с. 102].

Специалисты согласились с тезисом о том, что в настоящее время несовершеннолетнее материнство относят к категории «социальная проблема». Связывают это с неготовностью (материальной, физической, психологической) несовершеннолетней девушки к материнству (61 %). 34 % респондентов счи-

тают, что рост количества подростковых беременностей усугубляет проблему юного материнства. Лишь треть педагогов уверены, что отсутствие дополнительной материальной помощи со стороны государства не позволяет несовершеннолетней маме социально адаптироваться.

Сегодня юные мамы не выделяются в отдельную категорию социально незащищенных, для них не предусмотрены дополнительные выплаты и социальные пособия. Как полагает Т. А. Гурко, несмотря на то что число рождений не так велико, потребности в дополнительной помощи несовершеннолетним мамам необходимо учитывать при разработке программ социальной политики [2, с. 86]. По данным опроса, проведенного Т. А. Гурко, 76 % учителей высказывались за дополнительную материальную поддержку незамужним несовершеннолетним мамам [2, с. 90]. Большинство опрошенных специалистов в нашем исследовании (81 %) согласились с тем, что отсутствуют дополнительные меры социальной поддержки несовершеннолетних мам, хотя существует необходимость помогать им и поддерживать. В связи с этим многие респонденты (74 %) согласились с тем, что без дополнительной материальной помощи у несовершеннолетней матери не будет необходимых материальных средств на воспитание ребенка.

Лишь 10 % специалистов высказали опасение, что дополнительная государственная помощь может сформировать иждивенческий настрой у юных мам и, кроме того, возможен рост количества подростковых беременностей, обусловленный получением дополнительных льгот и пособий.

В ходе проведения фокус-группы большинство участников согласились с необходимостью дополнительной помощи данной категории граждан: *«У нас в государстве нет такой системы, которая не только “подачку” ей какую-то дала в виде пеленок, а чтобы действительно помогла человеку при этом остаться человеком и стать хорошей матерью»*. Если девушка сирота, то она не сможет самостоятельно справиться со своей трудной жизненной ситуацией: *«Материальная помощь очень важна, если у девушки нет родителей, нет поддержки»*.

Специалисты также говорят о том, что девушкам необходима еще и психологическая помощь. На открытый вопрос по поводу причин важности оказания помощи юным мамам респонденты дали такие ответы:

1) *«они сами еще дети, а надо воспитывать ребенка»*; *«это тоже дети, им необходима помощь, как любому ребенку»*; *«несовершеннолетние мамы — тоже дети, им тяжело справляться со своими трудностями»*; *«несовершеннолетняя мама — это тоже ребенок, а жизнь — главная ценность»* и др. (13 % респондентов);

2) *«чтобы исключить отказы от детей»*; *«чтобы воспитанием ребенка занималась несовершеннолетняя мать»*; *«чтобы ребенок вырос с мамой»*; *«чтобы ребенок не остался сиротой»* и др. (6 % респондентов);

3) *«из-за отсутствия у них знаний о материнстве»*; *«чтобы смогла правильно воспитать ребенка»*; *«из-за психологической неготовности к материнству»* и др. (7 % респондентов);

4) для социальной адаптации: *«материальная и моральная поддержка»*; *«психологическая поддержка»*; *«маме несовершеннолетней откуда-то надо*

брать средства для своего ребенка»; «в силу молодого возраста нуждается в поддержке» (13 % респондентов).

В качестве недостатков в существующей системе оказания социальной помощи, поддержки юным мамам называется следующее: *«маленькие пособия»; «бюрократизм, недоступность пособий и льгот»; «мало центров, куда можно обратиться за помощью»; «недостаток информированности»; «нет помощи с оформлением в детский сад ребенка»; «кадры этим занимаются некомпетентные».*

На вопрос о том, какие меры предпримут специалисты в рамках своей компетенции, если узнают о подростковой беременности в учреждении, 13 % респондентов ответили, что будут беседовать с родителями, проведут индивидуальное консультирование; 10 % отправят школьницу к специалистам — медицинскому работнику, социальному педагогу, психологу. Чуть меньше, 9 % респондентов, думают, что лучше всего помочь девочке окончить школу, получить аттестат либо перевести ее на другую форму обучения. 6 % учителей полагают, что им сначала необходимо разобраться в ситуации, побеседовать с девушкой, родителями, специалистами, а лишь потом предпринимать какие-либо действия.

В качестве возможных технологий социальной работы с несовершеннолетними мамами в образовательном учреждении были названы: беседы, лекции специалистов, классные часы, психологическая помощь, поддержка со стороны социального педагога, совместная работа школ, семьи, общества. Предлагались также специальные меры для поддержки юных мам: создание центров, отделений, где они могли бы проживать со своими детьми, учиться и работать; внедрение зарубежных технологий.

В ответах на вопрос, где юная мама в вашем городе может получить необходимую помощь, респонденты не были единодушны. По мнению 16 % опрошиваемых, социальная защита в силах разрешить трудную жизненную ситуацию маленьких мам. Лишь несколько специалистов ответили, что данные проблемы помогут решить в органах опеки, школе, в центрах помощи семье и детям, центрах социальной реабилитации несовершеннолетних. 15 % ответили, что не знают, где молодая мама с ребенком сможет проконсультироваться по всем необходимым вопросам.

В ходе нашего исследования подтвердилось, что социальная работа с несовершеннолетними мамами находится на стадии своего становления.

В процессе дискуссии специалисты из государственных центров так и не ответили на вопрос, какую помощь юная мама может получить на базе их учреждения: *«Если у нас в центре появится такая девушка, то мы не сможем оказать никакой помощи».* Хотя одно из основных направлений работы данных центров — помощь несовершеннолетним, попавшим в трудную жизненную ситуацию.

Социальный педагог из областного центра рассказала, что к ним поступила шестнадцатилетняя мама и им пришлось разлучить ее с ребенком. *«Сейчас она оказалась у нас, потому что ее забрали от какого-то дяди, мать пьяница, ее сейчас лишают родительских прав и она, как говорят, не может находиться в нашем учреждении, мы ее оторвали от ребенка. Но вот сейчас нашли ба-*

бушку. Чисто формально хотят избавиться от мамы. На бабушку оформляют опеку, чтобы она забрала и маму, и ребенка к себе. Опека говорит, что вот и все, отвернитесь от нее. После оформления необходимых документов она опять уйдет жить к дяде. Ее отдадут бабушке, и все, замкнутый круг. Пока еще не продумана эта система».

Остальные участники также сошлись во мнении, что большинство центров не работают с юными мамами, не сформированы технологии социальной работы с этой категорией, нет необходимых условий для проживания молодой мамы и ее ребенка на базе данных государственных учреждений. В качестве примера специалисты указывали положительный опыт разработанных программ оказания помощи несовершеннолетним мамам в крупных городах России. *«В Екатеринбурге они сделали так: доставляют эту девушку с ребенком в центр, в общежитие. Но есть какие-то рамки: учиться она должна, заниматься с ребенком. А у нас, возьмите любой центр, такая работа невозможна».*

Респонденты считают необходимым внедрение данных технологий в работу центров дополнительной государственной помощи юным мамам: *«Мы приходим к тому, что государственной политики в этом плане нет. На сегодняшний день должны быть какие-то центры, где действительно должны оказывать помощь юным мамам. Именно не подачкой, не милостыней».*

Вместе с тем специалисты считают себя некомпетентными в таких вопросах, не осведомленными, как поступать в ситуациях, когда будет выявлена подростковая беременность: *«У нас как — “не дай Бог она родит”, если девушка забеременела. Если такой случай произойдет, то ее постараются спихнуть куда-нибудь домой, “в глушь”. В такой ситуации посчитают, что мы что-то совершили незаконное. Но вина не наша. Ну как мы можем не доглядеть?».*

Стоит отметить, что были выявлены случаи давления на подростка, чтобы она сделала аборт: *«Я вам скажу, что у нас сделали: с девочкой провели психологическую обработку и она сделала аборт. Ее уговорили, подготовили так, чтобы это было ее решение, оно исходило от нее. Ей рассказали обо всех последствиях. Она сознательно сделала, без переживаний».*

Респондентам было предложено ответить на «открытый вопрос» анкеты и описать случаи работы с несовершеннолетними мамами. Всего было указано 25 случаев.

Описанные специалистами случаи подросткового материнства подтверждают тот факт, что семьи по своей структуре различны. 60 % семей респонденты охарактеризовали как *«асоциальные»*, *«неблагополучные»*, *«социально опасные»*. В 9 семьях родители злоупотребляют алкоголем, нигде не работают либо имеют временную работу с небольшим заработком, не занимаются воспитанием ребенка, не оказывают ему должного внимания.

Стоит отметить, что во всех приведенных примерах девушки не отказались от ребенка. Даже в случае, когда девушка родила ребенка с ограниченными возможностями. Лишь две девушки, хотя и забрали ребенка из роддома, но, по словам специалистов, вероятно, откажутся от него в дальнейшем. В первом случае учителя опасаются того, что ребенок останется социальным сиротой: *«Из родильного дома забрала, но родила недавно. Боимся, что откажется со временем от ребенка».* Во втором случае ребенка фактически

воспитывает бабушка: *«Мать бросила ребенка, оставив на попечение бабушки»*. Из приведенных случаев следует, что юными мамами становятся как девушки из статусных семей с хорошим достатком, так и из семей, находящихся в социально опасном положении.

В основном, по мнению специалистов, все семьи нуждаются в материальной и психологической помощи. Связывают это с тем, что в большинстве семей низкий материальный достаток, зачастую ниже черты бедности.

В качестве помощи в образовательном учреждении педагоги указали: беседы с девочками, родителями, психологическую поддержку, составление индивидуального графика занятий в школе, помощь в оформлении документации.

По данным респондентов, некоторым девушкам оказали помощь государственные учреждения: центр планирования, наркологический диспансер, центр психологической поддержки, женская консультация, телефон доверия, ГУ «Центр социальной помощи “Гармония”» и социальная защита.

По мнению респондентов, даже в благополучных семьях (с точки зрения материального достатка) низка психолого-педагогическая культура родителей: *«равнодушные, педагогически несостоятельные родители»*, *«родители не справляются с воспитанием дочери»* и др.

Участники фокус-группы также приводили примеры семей, где были выявлены мамы, не достигшие 18 лет, но подростковую беременность там не рассматривают как проблему: *«У нас есть семья, где воспитывают десять детей. Девушка из этой семьи забеременела, в шестнадцать лет она родила. Мама тоже только родила. Они ходят довольные и счастливые. Десять человек живут в двухкомнатной квартире. И проблем у них не возникает... На проблему раннего материнства смотрят так: ну, раз забеременела, пусть рождает, этих растим и еще одного вырастим»*.

В ходе исследования были выявлены случаи, когда девушка становилась мамой в возрасте до восемнадцати лет, когда ее родители также имели опыт раннего материнства и отцовства: *«родители также рано поженились»*, *«девушка повторила судьбу своей матери, рано родила»*.

По мнению специалистов, причины подростковой беременности связаны с асоциальным поведением членов семьи девушки либо с недостатком воспитательных ресурсов родителей.

Результаты нашего исследования показали, что 64 % респондентов выразили мнение о том, что социальную работу с несовершеннолетними мамами необходимо начинать с превентивных мер.

Вслед за Т. М. Резер, И. В. Журавлевой автор полагает, что вопросы полового воспитания и сексуального образования в настоящее время приобретают особую актуальность. Исследования также фиксируют, что снизить рост количества подростковых беременностей возможно с помощью профилактической работы, но вместе с тем половым воспитанием необходимо заниматься специалистам-медикам [4, с. 90].

По мнению специалистов сферы образования и социальной защиты, профилактика в сфере сексуальных отклонений подростков является компетенцией прежде всего семьи — 56 %, государственных органов — 10 %, сферы образования — 18 %, сферы медицины — 22 %. Большинство специалистов отме-

тили, что это проблема общества в целом, — 51 %, лишь 8 % считают, что данный вопрос — личное дело каждого.

На вопрос «Насколько вы осведомлены о технологиях по профилактике отклонений в сексуальной сфере?» 48 % ответили, что знаний в этой области им не хватает. Только 16 % полагают, что они осведомлены и смогут проводить занятия по половому воспитанию. Наиболее приемлемыми и эффективными формами профилактической деятельности респонденты считают индивидуальное консультирование — 68 %, беседу — 36 %, тренинговые занятия — 29 %. При этом лишь 23 % указали, что они могут провести урок-лекцию, другими же формами работы по профилактике подростковых беременностей они не владеют.

В то же время, по результатам проведенного нами исследования, 40 % работников сферы образования считают необходимым введение предмета «Сексуальное воспитание в школе», где подростки могли бы обсудить интересные проблемы, узнать важную информацию по вопросам репродуктивного здоровья и межличностных отношений. По их мнению, с подростками важно разбирать *вопросы сохранения репродуктивного здоровья* (методы контрацепции, негативные последствия ИППП, СПИДа, в том числе профилактика подростковых беременностей и раннего вступления в половую жизнь) — 55 %; *гендерные аспекты воспитания детей и молодежи* (отношения между полами, половое воспитание) — 26 %; *вопросы полового просвещения* (строение тела, период пубертата) — 10 %.

Специалисты также отметили, что не имеют достаточной подготовки для проведения занятий по половому воспитанию. Существующие программы на базе центров — зачастую личная инициатива специалистов: *«У нас, например, разработан проект для старшей группы по профилактике преждевременной беременности. Воспитатель самостоятельно разработала программу. Детям очень интересно, они с удовольствием посещают занятия. Они выполняют какие-то работы, домашнее задание, нас подключают. Им очень нравится. О результате говорить пока рано, так как только начали проводить занятия».*

По результатам нашего исследования, педагоги осуждают добрачную сексуальную жизнь, беременность и аборты несовершеннолетних девушек. Специалисты сферы образования в качестве основной причины ранней рождаемости указали изменение системы сексуальных ценностей. Специалисты социальной защиты считают, что сексуальная активность молодежи в последние годы приобрела черты девиантного поведения. Они связывают рост количества подростковых беременностей с неправильным половым воспитанием ребенка в семье и школе. Необходима комплексная работа социальных служб по профилактике подростковой беременности. Грамотные, квалифицированные программы гендерного воспитания в образовательных учреждениях, социальных службах, ориентированные не только на детей, молодежь, но и на семью, помогут минимизировать негативные последствия, связанные с изменением социальных норм в сексуальной сфере. Кроме того, в центрах социального обслуживания семьи и детей апробированы и внедрены программы полового воспитания, что может помочь специалистам разработать собственные проекты, используя положительный опыт коллег.

Специалисты сферы образования полагают, что им не хватает знаний в вопросах оказания помощи несовершеннолетним мамам. Специалисты учреждений социального обслуживания семьи и детей указывают на нехватку средств и возможностей для реализации подобного рода программ по адаптации юных мам к новым условиям.

Вместе с тем девушка сможет получить консультационную помощь как в школе, так и в государственном социальном центре. К сожалению, дополнительной поддержки этой категории граждан в нашей стране не предусмотрено, но специалисты видят необходимость внедрения данных мер. Результаты проведенного исследования показывают целесообразность разработки программ полового воспитания, внедрения зарубежного и отечественного опыта по оказанию помощи несовершеннолетним мамам на базе государственных учреждений.

Библиографический список

1. *Греченкова Т. И.* Социальный возраст материнства : дис. ... канд. социол. наук. Саратов, 2004. 225 с.
2. *Гурко Т. А.* Опыты сексуальных отношений, материнства и супружества несовершеннолетних женщин // СОЦИС. 2002. № 11. С. 83—91.
3. *Резер Т. М.* Медико-социальные подходы к организации полового воспитания и сексуального образования // Там же. № 1. С. 102—108.
4. *Скутнева С. В.* Раннее материнство // Там же. 2009. № 7. С. 114—118.

ПРОБЛЕМЫ ЖЕНСКОЙ И ГЕНДЕРНОЙ ИСТОРИИ

ББК 63.5

О. А. Николаенко

ЗАНЯТОСТЬ ПОЛЬСКИХ ЖЕНЩИН ЮГО-ЗАПАДНЫХ ГУБЕРНИЙ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В ОБЩЕСТВЕННОМ ПРОИЗВОДСТВЕ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в.

Одним из требований женского движения во второй половине XIX в. было равное с мужчинами право на труд. В Российской империи женщины долго не имели такого права. С 1865 г. они получили право работать телеграфистками, а в 70-е гг. — в счетной части женских учебных заведений. Позднее, после появления женщин с медицинским образованием, они освоили и эту нишу общественного производства. Однако многие профессии для них были закрыты. Мы попытаемся выявить, насколько польские женщины были втянуты в общественное производство, имел ли рынок труда в юго-западных губерниях свою специфику, чем можно объяснить те или иные количественные данные.

Количество польского населения края можно установить по переписи населения, проводившейся в Российской империи в 1897 г. Данные по трем губерниям представлены в табл. (сост. по: [7]). И хотя в процентном соотношении количество поляков составляло чуть более 3 % населения, т. е. более 320 тысяч человек, они представляют интерес для изучения.

Количество польского населения в юго-западных губерниях по переписи 1897 г.

Губерния \ Пол	Киевская	Подольская	Волынская	Всего по губерниям
Мужчины	34 093	33 762	90 701	158 556
Женщины	34 698	35 394	93 460	163 552
<i>Итого</i>	68 791	69 156	184 161	322 108

Профессиональная занятость польских женщин будет проанализирована по той же переписи, где необходимо было указать вид деятельности, причем только один. Вероятно, женщины выбирали среди предложенных пунктов основной источник доходов. В переписи также был поставлен вопрос о том, са-

мостоятелен ли человек — и тогда он выбирал вид занятости, или не самостоятелен — и тогда его приписывали к тому, кто его содержал. Таким образом, перепись населения еще раз подчеркивала и закрепляла существующее гендерное неравенство.

Другим важным источником понимания особенностей рынка труда и процесса вхождения в него женщин являются нарративы поляков, проживавших в юго-западных губерниях России. То, что удостаивалось внимания авторов, было событием, выбивавшимся из традиционной повседневности и запечатленным памятью, т. е., как считают исследователи истории повседневности, именно необычное, одиночное больше всего запоминается. Сначала новое вызывает удивление и непонимание, потом, при его повторении, начинает казаться нормальным, затем становится распространенным, обыденным, тривиальным [10]. Именно такие упоминания в мемуарах о «странном», «необычном» в экономических отношениях, касающиеся моделей поведения женщин, и обращали наше внимание.

По данным всеобщей переписи населения 1897 г., в юго-западных губерниях в общественном производстве были заняты 24 368 польских женщин, что составляет 14,8 % от их общего количества. Наибольший процент занятости женщин был в Киевской губернии — 7 286 человек (или 20,9 %), в Подольской губернии он составлял 5 388 (или 15,2 %), в Волынской — 11 694 женщины (или 12,5 %).

Невысокий процент женщин, занятых в экономике, был обусловлен как существующим социально-экономическим положением в империи, так и особенностью исторического этапа. Женщины были сосредоточены в частной сфере, однако потребности капитализма, при которых основным ресурсом рождающегося модернизированного общества был человеческий капитал, вывели женщин в сферу производительного труда.

Процент занятости поляков мужчин составляет 51,1 % от всего их количества. Соответственно, именно мужчины обладали экономическими ресурсами в обществе. Однако необходимо отметить, что возможности поляков в экономической сфере были значительно ущемлены после разгрома Январского восстания 1863 г. Кроме конфискации имущества, репрессий и административных притеснений, особенно чувствительным оказался Указ 1865 г. о запрете продажи земли полякам. С этого времени, как исследовал Д. Бовуа, значительно возрастает количество земли, принадлежащей русским помещикам, и уменьшаются финансовые возможности этнических поляков [2, с. 155—163]. Подозрения, насаждаемые властями по отношению к полякам, негативно отразились на их возможностях на рынке труда.

Рассмотрим участие женщин в различных областях экономической жизни. Наибольший процент польских женщин — 37,6 % от всех занятых — были сосредоточены на частной службе в качестве прислуги и поденщиц. С чем же связано такое значительное участие польских женщин — более трети всех занятых — в области обслуживания?

В течение XIX в. российское правительство, стремясь ограничить «польское влияние» в крае, проводило процесс деклассации мелкого дворянства. Специально созданные комиссии проводили верификацию дворянства, и те

мелкие землевладельцы, которые не смогли подтвердить свое происхождение, переходили в податные сословия — мещан, крестьян и др. [2, с. 155—163]. Нежелание расставаться с давними привилегиями, смешиваться с крестьянской массой привело к возникновению многочисленной прослойки польского общества — безземельной шляхты.

Этот сложный процесс деклассации польского дворянства отражался и на женщинах. Одна из авторов мемуаров — М. Ивашкевичева писала, что главным сокровищем в доме была геральдическая бумага, подтверждающая дворянское происхождение. Однако стиль жизни такой шляхты мало чем отличался от жизни местных крестьян, хотя обособленное проживание сохранялось всегда [13, с. 36—37].

Воспитанные в духе превосходства над окружающим непольским, некаатолическим населением они тяжело втягивались в капиталистические отношения. Большинство из них пополняли население городов, занимаясь мелкими торговыми предприятиями или становясь основой того класса, который впоследствии будет именоваться интеллигенцией. Другие же, не желая покидать насиженных мест, находили себе работу в помещичьих хозяйствах в качестве управляющих предприятиями, экономов, мелких служащих.

Что же должно было ожидать женщину в семье обедневших дворян? Большинство из них вынуждены были работать. Речь идет прежде всего о молодых незамужних женщинах. Выражая свое «покровительство», богатые соотечественники нанимали девушек 14—15 лет из «шляхетских семей» на службу в качестве прислуги [11, с. 15]. Такое трудоустройство было выгодно для обеих сторон. Девушки учились манерам, обустройству богатого дома (как надо жить дворянам), выполняли считающиеся традиционно женскими работы: стирали и гладили белье, проводили уборку помещений, учились готовить и накрывать на стол. Фактически, таким образом девушки готовились к ведению домашнего хозяйства. Кроме того, это давало возможность работать в имении, не позволяя смешиваться с крестьянской массой. Хозяева усадеб в лице польской прислуги окружали себя почти что равными — дворянами по происхождению, что давало им ощущение выполненного патриотического долга — поддержки соотечественников.

Такая работа, с первого взгляда выгодная для обеих сторон, не давала шансов польским женщинам преодолевать социальное неравенство. Их карьера обрывалась с замужеством и выполнением репродуктивных функций. Дискриминационные шаги властей содействовали национальным проектам, объединяя поляков в единое «воображенное сообщество» [2], требующее возрождения государственности. Но имущественное неравенство и классовые интересы разделяли его, обуславливая популярность идеологий, нацеленных на достижение социальной справедливости.

Показатель занятости мужчин поляков в этой сфере также наибольший — 35 878 человек, или 44,2 % от всего количества занятых. Думается, что цифра эта сложилась исторически. Приобретая поместья в юго-западных губерниях, русские владельцы не спешили менять прислугу и управителей, которые за многолетнюю службу знали те особенности, которые дает опыт проживания и управления в одном регионе.

Около 3 839 польских женщин, т. е. 15,7 %, были заняты в сфере земледелия. Это довольно невысокий процент, если учесть, что 78 023 польские женщины, или 47,7 % от всего женского населения юго-западных губерний, были приписаны к сословию крестьян. Вероятнее всего, к крестьянству относилось население, традиционно занимавшееся сельским хозяйством, и уже упоминавшаяся группа деклассированной шляхты, вынужденной в силу обстоятельств крестьянствовать.

То, что столь невысокий процент женщин-крестьянок были заняты сельским хозяйством, не является достоверным показателем. Имеется в виду, что и другие виды деятельности, а именно животноводство, обработка растительной и животноводческой продукции, торговля ею (пункты 19,32 и 51 анкеты соответственно), также можно отнести к занятости в сельском хозяйстве. В целом таких женщин насчитывается около 4 292, или 17,6 % от количества занятых.

Обратим внимание на два «сигнальных» показателя, а именно: 47,7 % женщин было приписано к сословию крестьянства и только 17,6 % признали свою самостоятельность и назвали виды деятельности, служащие им источником доходов в сельском хозяйстве. Это означает, что большинство польских крестьянок не были земельными собственницами и работали в сельском хозяйстве по найму. Для большинства таких женщин возникала необходимость в сочетании домашней работы и работы на поле.

В личных источниках мы встречаем упоминания о том, как те или иные женщины, не имеющие первоначальной потребности в занятости, под влиянием обстоятельств начинали заниматься производительным трудом. Ярким примером такого включения в рыночную экономику была деятельность матери Э. Корвин-Красинской. Ее мать, оставшись вдовой, оставила управлять большим имением своего взрослого сына, а сама с дочерьми выехала в Херсонскую губернию, где им принадлежали 2 сахарных завода и большое овцеводческое хозяйство. То, что мать автора воспоминаний стала руководить таким хозяйством, не вызывает удивления, потому как это были, вероятнее всего, налаженные производства. Интересен другой факт: через некоторое время женщина стала осваивать новое производство, послав одну из своих работниц стажироваться в Киев на консервный завод, чтобы та смогла обучиться, как хранить и консервировать фрукты и овощи [16, s. 9, 16].

Другой пример взят из воспоминаний А. Павелчинской о жизни ее бабушки, которая была не очень счастлива в замужестве. Ее муж был очень экономным и вел строгую денежную отчетность. Постепенно женщина тоже вошла в суть экономических дел усадьбы и завела собственный счет, который пополнялся благодаря продаже сельскохозяйственных продуктов. Сначала эти деньги давали женщине некоторую свободу, позволяя ей не обращаться к мужу с разными мелкими тратами. Так, экономя, бабушка А. Павелчинской смогла вернуться в родительский дом, имея первоначальные средства для его восстановления [18, s. 145].

Бабушка по матери одного из авторов воспоминаний Яна де Реплонге была женой агронома и управителя. Ее муж был постоянно в разъездах, где руководил полевыми работами. Сама же бабка занималась молочной фермой и экспортом молочных продуктов в Австрию [20, s. 30].

Приведенные выше факты дают подтверждение тому, что польские женщины постепенно включались в экономическую жизнь. Иногда такие случаи были связаны с давлением обстоятельств, порой были продиктованы необходимостью участия женщин в семейном производстве. Особенности такого включения в предпринимательскую деятельность были уже имеющийся доступ к ресурсам, знание дела, которым занимались женщины, наличие общественных связей. Кроме того, ни одно из названных предприятий не было крупным и не составляло конкуренцию какой-либо ведущей компании или производству. С одной стороны, эти примеры показывают, что «угнетение женщин осуществляется не мужчинами, а капиталистической системой» [3, с. 133]. С другой стороны, та же существующая экономическая система позволяла им преодолеть экономическую зависимость и стать равноправными субъектами экономических отношений в семье и обществе. Несомненно, что ломка социальных структур была не под силу отдельным индивидам, но эти случаи давали пример получения экономической независимости, вслед за которой представлялось возможным преодоление и других видов неравенства.

Имеются, однако, и обратные утверждения. Автор «Воспоминаний одессита» Е. Янишевский писал, что приглашенная для обучения детей француженка не могла понять существующий стиль жизни, а именно почему огромное количество фруктов из господского сада пропадает только потому, что «пани не пристало их продавать» [14, с. 73]. Здесь мы встречаемся с определенным противоречием социальных ментальностей — дворянской и капиталистической. Французская гувернантка, прибывшая в дворянский дом для получения заработка и имеющая статус «домашнего пролетариата», не могла понять тех, кто пренебрегал условиями рынка и руководствовался не экономическими, рациональными, с ее точки зрения, интересами, а существующими стереотипами. Если посмотреть на контекст ситуации, то можно констатировать, что гувернантка, зависящая от своих работодателей, гораздо более свободна, нежели они. То, что она, будучи незамужней, могла поехать в чужую страну для получения заработка, — это и есть то свободное волеизъявление, которое не могли себе позволить польские девушки из семей, где француженка преподавала.

Занятость польских мужчин в сфере земледелия гораздо выше — 36 %, т. е. владение землей и, соответственно, прибыль с нее, считалась мужским уделом. Не думаем, что земельные работы выполнялись всецело мужчинами. Календарь сельскохозяйственных работ и их специфика позволяют участвовать в этом труде женщинам наравне с мужчинами, однако при этом земельным собственником остается мужчина.

Следующая значительная группа женщин — 3 617 (или 14,8 %) — жила за счет «доходов с капитала от движимого или недвижимого имущества, средств, завещанных родителями». Сегодня сложно сказать, может ли данный вид доходов считаться работой, но то, что он требовал не просто получения дивидендов, а искренней заинтересованности и постоянного внимания, не может вызывать сомнений. Во второй половине XIX в. Россия вступила в эпоху капиталистических отношений: земля обрела рыночную стоимость, крестьяне превратились в наемную рабочую силу, предприимчивость земельных магна-

тов закрыла давние дворянские заслуги. Новые рыночные отношения заставили полек, владеющих именьями, включиться в управление ими.

Доходы, приносимые от владения землями в Правобережной Украине, в условиях наступления на экономические права польского населения не могли быть стабильными, а потому требовали особого повышенного внимания и всегда были сопряжены с риском [6, с. 122]. После разгрома восстания 1863—1864 гг. репрессии коснулись мужского населения. Около 1 900 человек были репрессированы, а кроме того, многие были высланы во внутренние районы империи [15, s. 610—614]. Женщины оставались хозяйками земельных угодий и вынуждены были вникать в дела управления ими.

В нарративных источниках мы встречаем несколько вариантов получения доходов от владения имуществом, в основном земли. Первый — это передача имения в аренду, управление и получение только дивидендов. Плюсы такого решения были очевидны — женщина не заботилась о ситуации на рынке и рассчитывала на строго определенную сумму. Е. Покрывницкий в своих воспоминаниях говорит, что его бабушка нанимала управителя, использовавшего прогрессивные технологии ведения сельского хозяйства, в то время как управитель имения его отца не интересовался новыми методами и платил хозяевам меньше предыдущего [19, s. 38].

Однако за такую беззаботность приходилось иногда дорого платить. Нередко управители имений взыскивали хорошие барыши с крестьянских налогов, скрывая истинные доходы и выплачивая из них фиксированную сумму собственникам. В нарративах М. Ивашкевичевой утверждается, что эта группа молодых образованных людей, очень быстро обогащалась на Украине [13, s. 134]. Отец К. Скрынского был управляющим, и то, что у него сложились хорошие отношения с собственниками земли, автор воспоминаний называет редким исключением [22, s. 3]. Игнорирование делами управления могло в итоге привести к постепенному росту задолженности, а иногда и к полному разорению.

Утверждать, что такой путь был предпочтительнее для польских земельных собственников, мы не можем, потому что в мемуарах встречаются и радикально противоположные случаи. Многие польки — владелицы земли, стремились адаптировать свои хозяйства к рыночным отношениям. Исследователь социально-экономической истории поляков юго-западных губерний империи Д. Бовуа утверждает, что в погоне за сохранением имущества активно включались механизмы женского влияния — кокетство, заигрывание и т. п. [2]. Перед нами примеры самореализации женщин, которые не подвергают сомнению существующую гендерную иерархию. Процесс усиления неформального влияния женщин через сеть социальных связей шел параллельно с усложнением общественных структур [8, с. 55]. Тот факт, что область, традиционно занимаемая мужчинами, — управление имением, стала включать и женщин, в других случаях считался бы революционным, но в данных условиях он стал приемлемым, хотя само ведение хозяйства было делом не из легких.

Не только земля становилась источником доходов. С. Краузова, родившаяся в семье небогатых родителей (ее отец занимался переплетами книг, мать давала уроки музыки и выступала на концертах), говорила еще об одном виде доходов семьи — сдаче жилья внаем. Семья имела два дома в Киеве, которые

сдавала чиновникам, и это приносило стабильный доход. Однако после смерти отца этих денег стало недостаточно, чтобы содержать семью. И вот тогда мать с помощью хозяйственной служавшей стала продавать «домашние обеды». Этот мелкий бизнес приносил достаточно средств, чтобы семья безбедно существовала. Питались в этом заведении в основном поляки, работающие неподалеку в аптеке [17, s. 50]. Таким образом, жесткие условия экономической жизни в начале XX в. заставляли женщин, ранее не допущенных в область производства, включаться в рыночные отношения, одновременно расширяя границы своего мира, т. е. исключение мужчин из сферы управления экономической жизнью в крае, направленное в целом против польского населения, благоприятно сказалось на расширении потенциала польских женщин. То, что деловая активность польских женщин являлась вынужденной, не вызывает сомнений, и вряд ли могла быть реализована в других условиях.

Интересно, что именно в этом пункте анкеты процент польских мужчин значительно уступает женщинам. Только 5,4 % поляков получали доходы с капитала. Вероятно, мужчины предпочитали самостоятельное управление имуществом, а не сдачу его внаем. И причина этого в осознании мужчинами больших возможностей в увеличении капитала при самостоятельном его использовании.

Показатель польских женщин, живущих с доходов от имущества, выше, чем аналогичный показатель в группе «великорусских», где он составляет 12,5 %, или еврейских женщин — 7,9 %. Трудно сказать, что было наиболее значительным фактором такого большого процента польских женщин — семейные ли традиции владения землей или четкие прагматические расчеты. Скорее всего, что жизнь на дивиденды была возможной для группы польских женщин, потому что они обладали тем самым капиталом, с которого можно было их получать. Женщины, принадлежавшие к другим этническим группам, в частности русские, лишь недавно получившие на этих землях привилегии, находились в совершенно других условиях. Здесь следует вспомнить направления, осуществляемые поляками при выборе учебы в университетах [12, s. 121]. Большинство девушек выбирали факультеты, связанные с ведением сельского хозяйства. Такой выбор давал им возможность ориентироваться, хотя бы в общих чертах, в управлении имением и повышал их возможности выгодно распоряжаться капиталом.

Изготовлением одежды занималось 1 980 польских женщин, что составляет 8,1 % от всех занятых полек. Данный вид деятельности подтверждает патриархальность общества, в котором обеспечение семьи одеждой сначала входило в обязанности женщины, а потом стало традиционной женской работой. К сожалению, в личных источниках не встречаются сведения о жизни женщин, занятых в этих профессиях. Мемуары и воспоминания писались в основном дворянками или теми, кто происходил из зажиточных семей, где женщины не занимались такими видами работ.

Интересно сопоставление количества женщин, занятых изготовлением одежды, по национальному составу. Среди русских женщин этим видом деятельности занималось 3 259 женщин, или 9,8 % от всех занятых женщин этой национальности, а вот среди еврейских женщин этот показатель составляет 7 540 женщин, или 30,8 %. Среди еврейского женского населения этот вид дея-

тельности — второй по количеству занятых после получения доходов от владения имуществом и капиталом.

Некоторые польские женщины жили на «средства, получаемые от казенных или общественных учреждений». Таких женщин в юго-западных губерниях насчитывалось 999, или 4 % от всего количества занятых женщин. Вероятнее всего, что это были жены бывших предводителей дворянства, чиновников, которые заслужили пенсии верноподданнической службой еще до Январского восстания, или военных. В этой группе больше русских женщин — 2 572, или 5,5 % от всех «самостоятельных», у «малороссов» — 3,3 %, а у евреев — 2,8 %. Эти цифры демонстрируют политику властей по отношению к различным этническим группам.

Следующие показатели занятости польских женщин касаются учебной и воспитательной деятельности. В этом виде работ было занято 726 женщин, или 2,9 % от всего количества занятых женщин. Учеба в частных женских гимназиях давала возможность заработать обучением грамоте, знаниями языков. В польских дворянских домах нанимали нянечку польской национальности, что подтверждается авторами многочисленных воспоминаний [20, s. 13; 21, s. 10]. Налицо факт использования женщины как национального символа и агента национального воспитания. Нянечка, которая должна была растить ребенка с младенчества, а значит, учить языку, фольклору и всему тому, что позже позволит человеку определить свою национальную идентичность, была полькой. Но поскольку принадлежность к польской нации не приносила в Российской империи никаких «дивидендов», позже в воспитании ребенка принимали участие приглашенные учителя, способные подготовить ребенка к поступлению в гимназию или университет.

Кроме того, для польского населения Правобережной Украины в условиях русификации было характерным стремление дать детям хотя бы элементарное образование, что приводило к созданию сети тайных начальных польских школ [4, с. 146—147]. Это объясняется тем, что в начальные училища дети из польских семей не могли пойти, т. к. не знали русского языка. Польских же школ в крае не было, а родители не могли в силу необразованности или занятости дать детям элементарные учебные навыки.

Учителями в этих школах становились не только грамотные поляки, но и выпускницы частных женских пансионов. Примером такого трудоустройства является дело Алины Березовской, хранящееся в Центральном государственном историческом архиве Украины в г. Киеве (ЦГИАУК). А. Березовская, обучавшая сельских детей чтению и польской грамоте, по собственной инициативе преподавала им Закон Божий. Об этом узнали в жандармерии, после чего ей было запрещено преподавать. Через некоторое время она попросила разрешить ей преподавать хотя бы рукоделие, т. к. это ее единственный источник доходов [9, 14, 19]. В юго-западных губерниях также получили распространение частные женские пансионы, которые содержались женщинами или в которых могли преподавать женщины. Содержание такой гимназии было выгодным делом [5].

Дальнейший анализ видов занятости польских женщин не представляется целесообразным, т. к. показатели занятости женщин в тех или иных областях

экономической жизни не превышают 2 % и, как правило, составляют не более 100 женщин на губернию.

В целом анализ занятости польских женщин в экономической жизни показывает, что общий уровень занятости был довольно низким, что было обусловлено самой социальной системой буржуазного общества, а также тем, что именно на женщине лежала обязанность выполнять всю работу по обслуживанию семьи, воспитанию детей. Вступление России на путь становления капиталистического общества, а также дискриминационная политика в отношении польского мужского населения открывали перед женщинами перспективы замещения мужчин в некоторых областях общественного производства. Вывод женщин в сферы занятости осуществлялся в области низкоквалифицированного, малооплачиваемого, обслуживающего труда.

Наибольшие показатели занятости касаются тех сфер, которые являлись как бы продолжением домашней женской работы: обслуживание дома и семьи, занятие сельским хозяйством, которое обеспечивало прокорм, воспитательная деятельность, связанная с функциями материнства. Занятость в этих сферах не требовала квалифицированных знаний и позволяла капиталистической системе вытеснять женщин в малопродуктивные и, как следствие, низкооплачиваемые области. Однако то, что эти женщины включались в производство, является подтверждением ломки устоев докапиталистического общества. Эмансипация в сфере производства проявлялась во включении женщин в области труда, приносящие прибыль, а не только в их занятости домашним хозяйством. Польские женщины не обладали ни социальным, ни культурным капиталом, чтобы сделать карьеру или получить высокие прибыли. Богатое имущество или высокий социальный статус зависели от мужчины, а если такового не было, то они могли быть использованы женщиной только для относительной свободы в частной, а не в общественной сфере.

Библиографический список

1. *Андерсон Б.* Уявлені спільноти. Київ : Критика, 2001. 272 с.
2. *Бовуа Д.* Битва за землю в Україні 1863—1914. Поляки в соціо-етнічних конфліктах. Київ : Критика, 1998. 334 с.
3. *Коллинз Р.* Введение в неочевидную социологию // Антология гендерной теории. Минск : ПроPILEI, 2000. С. 114—140.
4. *Николаенко О. О.* «Органічна праця» на українських землях Російської імперії в 30—90-х рр. XIX ст. : дис. ... канд. іст. наук. Харків, 2006. 189 с.
5. *Николаенко О. О.* Жіноча освіта в середовищі польського населення Південно-західних губерній Російської імперії наприкінці XIX — початку XX ст. // Історичний архів. 2008. Вып. 2. С. 138—146.
6. *Павлюк В. В.* Вплив шляхетських родів Волині на соціально-економічний та культурний розвиток краю в XIX ст. : дис. ... канд. іст. наук. Запоріжжя, 2000. 165 с.
7. Первая всеобщая перепись населения Российской империи. Т. 8 : Волынская губерния. Б. м., 1904. 282 с. ; Т. 16 : Киевская губерния. 1903. 298 с. ; Т. 32 : Подольская губерния. 1904. 285 с.
8. *Репина Л. П.* Гендерная история: проблемы и методы исследования // Новая и новейшая история. 1997. № 6. С. 41—58.

9. Центральный государственный исторический архив Украины (ЦГИАУК). Ф. 442. Оп. 846. Д. 432.
10. Шюц А. Структура повседневного мышления // Социол. исслед. 1988. № 2. С. 129—137.
11. Dyakowska J. Wspomnienia. Biblioteka Zakładu Narodowego im. Ossolińskich we Wrocławiu. Sygn. 15375.
12. Epsztejn T. Edukacja dzieci i młodzieży w polskich rodzinach ziemiańskich na Wołyniu, Podolu i Ukrainie w II połowie XIX wieku. Warszawa : DiG, 1998. 233 s.
13. Iwaszkiewiczowa M. Wspomnienia. Biblioteka Zakładu Narodowego im. Ossolińskich we Wrocławiu. Sygn. 13173.
14. Janiszewski E. Wspomnienia odessity, 1894—1916. Wrocław ; Warszawa ; Krakow : Ossolineum, 1987. 324 s.
15. Kieniewicz S. Powstanie styczniowe. Warszawa : Państwowe wydawnictwo Naukowe, 1983. 800 s.
16. Krasieńska E. Wspomnienia. Biblioteka Zakładu Narodowego im. Ossolińskich we Wrocławiu. Sygn. 14114.
17. Krauzowa Z. Rzeki mojego życia. Kraków : Wydawnictwo Literackie, 1979. 290 s.
18. Pawełczyńska A. Koniec kresowego świata. Lublin : Wydawnictwo TEST, 2003. 464 s.
19. Pokrzywnicki E. J. Żywoty i sprawy. Biblioteka Zakładu Narodowego im. Ossolińskich we Wrocławiu. Sygn. 15415.
20. Replonge J. P. de. Obrazy pamiętnych Lat, 1903—1967. Biblioteka Zakładu Narodowego im. Ossolińskich we Wrocławiu. Sygn. 15535.
21. Rostworowski A. Ziemia, której już nie zobaczysz: Wspomnienia kresowe. Warszawa : Czytelnik, 2001. 504 s.
22. Skrzyński K. Wspomnienia z lat 1891—1917. Biblioteka Zakładu Narodowego im. Ossolińskich we Wrocławiu. Sygn. 15585.

ББК 60.542.21

И. В. Сохань

ЖЕНЩИНА И ГАСТРОНОМИЧЕСКИЙ КОД КУЛЬТУРЫ

Гастрономический генезис культуры совпадает с процессом антропосоциогенеза: обработка пищи огнем и появление возможности трапезы вокруг огня-очага, по словам К. Леви-Строса, определенным образом инициировало развитие культуры [3], мир перешел из *сырого* состояния в *приготовленное*. Гастрономическая история во многом определила и гендерную логику культуры: ведь хозяйкой огня (не тем, кто осуществил трансцендентный прорыв по принесению огня в культуру, но той, кто сохранила огонь) стала женщина¹. Приготовление пищи — это не просто кулинарное событие с вытекающими социальными последствиями (объединяющей индивидов на новом уровне социального родства трапезой), а событие постоянного перехода мира из состояния хаоса в состояние космоса, событие, приготавливающее мир. Поэтому

© Сохань И. В., 2010

¹ В мифологических представлениях многих народов хозяйкой (богиней) огня выступает именно женщина.

привнесение огня в культуру и возникновение способов его поддержания не только инициировало рождение гастрономической формы культуры, но и способствовало возникновению определенного гендерного порядка, который, несомненно, обладает устойчивым характером в качестве мощнейшего архетипического паттерна традиционной культуры.

Представляется важным сначала проанализировать базовые параметры гастрономической коммуникации, затем перейти к репрессивно-дисциплинарным гастрономическим практикам, налагающимся на женщину традиционной культурой, и в конечном итоге подойти к анализу деконструкции паттерна *женщина — хозяйка огня-очага*, ставшего одним из основных результатов гендерной истории XX века.

Базовые параметры гастрономической коммуникации. Строго говоря, первым гастрономическим событием человечества стало приготовление тотема — не в смысле конкретной кулинарной обработки, потому что гастрономическое и кулинарное представляют два уровня отношения к пище², а в смысле символического приготовления потенциального человеческого содержания, отчужденного в физическое тело тотема. Так, первой гастрономической (символическим образом) практикой был порядок отношения к тотему, предполагавший амбивалентность заботы и страха, и наложение этического законодательства, регулирующего отношение к нему. В тотем вкладывалось особое, аккумуляруемое под этическим давлением человеческое содержание, а его статус и влияние на человека вводили новый дисциплинарный порядок жизни, обуздывающей бессознательное с его безудержными интенциями желания и наслаждения. Тотемизм, по сути, является прарелигиозной формой трансцендирования, т. к. тотем имеет абсолютный по отношению к человеку онтологический статус, задающий последнему вектор постепенного духовного распрямления. Отношение к тотему с гастрономической точки³ зрения выражается в оппозиции *приготовление — поедание*.

Рассмотрим первую часть этой оппозиции — *приготовление тотема*. Приготовление тотема начинается с его табуирования, которое одновременно является и табуированием прямых каналов реализации бессознательного, связанных с пищей и сексом (именно дальнейшая непрямая реализация, приводящая к сублимации бессознательного, инициирует возникновение разнообразнейших форм культуры). Табу, налагаемое на тотем как онтологический источник жизни и определенного порядка существования, приводит к накоплению бессознательного, которое, взрываясь, заставляет убить и съесть тотем. Но до события поедания и, соответственно, короткого промежутка растабуирования проходит определенное время — время аккумуляции нравственного напряжения, сопряженного со страхом и усилиями по канализации накапливаемого бессознательного, для которого выну-

² Гастрономическое включает в себя как кулинарию (первый порядок культурного переваривания природных веществ, согласно логике К. Леви-Строса), так и застольный этикет (второй порядок, согласно той же логике).

³ Стремясь избежать упрека в неаутентичном использовании понятий *гастрономическое* и *приготовление*, поясним, что в отношении тотема говорить о его приготовлении представляется правильным и возможным, т. к. порядок отношения к тотему предполагает его поедание.

жденно создаются способы культурной реализации. Таким образом, приготовление тотема — это приготовление бессознательного через отчуждение его в материальный субстрат, который наделяется дополнительными значениями, связанными с тем, что человек устанавливает особые, уже надприродные формы коммуникации с окружающим его миром. Такое отчуждение бессознательного есть жертвование им ради поддержания культурного порядка, поэтому, в определенном смысле, *любая еда есть жертва*. Не только природа жертвует тем, что кормит собой человека, но и человек жертвует хаосом и хищностью своего бессознательного ради установления в первую очередь нравственных отношений с окружающим миром.

При *поедании* тотема бессознательное, как прошедшее культурную обработку и заключенное в материальном субстрате (а эволюция человека в аспекте восприятия мира шла от желудка к сознанию), возвращается к человеку, формируя его идентичность — не только на телесном, но и на нравственном, собственно антропном уровне. Периодичность включения той или иной стороны оппозиции *приготовление — поедание* связано со временем, которое занимало накопление бессознательного, приводящее к взрыву и к кратковременному отключению сознания. Так, *приготовление — поедание* отражает диалектику *сознания — бессознательного*. Как феномен, характерный для человека в самом начале культурной эволюции, тотемизм исчерпал себя тогда, когда культурные формы, канализирующие бессознательное, перестали требовать грандиозных, связанных с колоссальной инерцией животного начала в человеке усилий и окончательно закрепились как антропный приоритет человека. Гастрономический же генезис осуществлялся по пути все большей культурно-цивилизационной обработки продуктов, именно в таком виде воспринимающихся как человеческая, специфицирующая человеческий статус еда, а также по пути разработки социальных кодов, связанных с форматом трапезы. Здесь очевидна прямая детерминированность социального статуса человека и сложности кода застольного этикета, которым он пользуется. Концептуализация гастрономической тематики в настоящее время инициирована, по всей вероятности, как раз тем, что гастрономический генезис достиг своего апогея и претерпевает деконструкцию.

С историко-эволюционной точки зрения невозможно расставить хронологические приоритеты и определить, что было раньше — гастрономическое событие приготовления тотема или обработка пищи огнем как первый акт по приготовлению культуры. Вполне можно утверждать синхронизм этих событий, благо их феноменальное содержание гораздо более важно, нежели хронологический статус в истории. Однако приготовление тотема как первое гастрономическое событие повлекло за собой возможность приготовления бессознательного в кулинарном теле⁴ культуры. Так было вскрыто то, как по-

⁴ Кулинарным телом культуры можно назвать всю совокупность природного сущего, которое посредством различнейших способов обработки стало человеческой пищей. Когда Ш. Фурье придумал свою гастрософию (в известном утопическом проекте «Страна Гармония»), он был озадачен именно заботой о кулинарном теле культуры, формирование и сохранение которого представлялось ему приоритетной культурной задачей.

средством определенных практик⁵ в отношении пищи у приготавливаемого не только изменяются вкусовые параметры, но и меняется некая метафизическая тональность, которая, будучи трудно концептуализированной, тем не менее коннотатируется в бытовой метафорике гастрономических суждений типа «пища, приготовленная с любовью», «путь к сердцу мужчины лежит через его желудок», «лучшая приправа к пище — сам повар» и т. д. Не говоря уже собственно о гастрономической метафорике, выражающей эротическое искушение: «так бы тебя и съел», «ты такая вкусная(ый)» и т. д. Подобные высказывания, даже будучи чистой метафорой, отражают перманентное гастрономическое искушение каннибалистского порядка: то, что любимо и так сильно любимо, должно стать частью телесной идентичности любящего. И в этом смысле это искушение канализируется гастрономической культурой, которая не только, к примеру, дает рецептуру приготовления национального космоса, но и предполагает особую этику коммуникации повара с приготавливаемой едой, ибо она есть его *жертвенное тело*.

На последнее стоит обратить специальное внимание, т. к. повар, который готовит повседневную, *внутреннюю* пищу, — всегда женщина: «Поэтому вареную пищу чаще относят к кухне, которую можно было бы назвать “внутренней”, т. е. для семьи и ограниченного круга лиц... жарка мяса была исключительно мужской обязанностью, хотя женщины иногда им помогали. Однако почти все продукты, как правило, отваривали. Стало быть, *кухня, все-таки, женское дело*» [3, с. 367—368]. В таком случае именно женщина вкладывает в приготавливаемую ей еду свое бессознательное, выраженное как *жертва и желание*, и кормит собою свою семью, а также на уровне поддержания общего культурного порядка репрезентирует кулинарное тело культуры. Поэтому, с одной стороны, домашняя кухня всегда связывалась с женщиной и была ею обусловлена, а, с другой стороны, кухня праздничная, еда экстатизирующего порядка (поскольку праздник символизирует единение празднующих на телесном уровне и вообще есть условие поддержания функционирования коллективной телесности), связывалась с мужским участием в гастрономическом порядке бытия. В этом смысле К. Леви-Строс отмечает такую детерминированность: пища праздничная, приготавливаемая во внешнем, по отношению к домашнему, пространстве, есть мужское дело, и основной способ приготовления, применяемый к праздничной еде, — это жарение. Пища повседневная, приготавливаемая во внутреннем пространстве женщиной как хозяйкой этого пространства, — это пища преимущественно вареная. Жареное — вареное дополнительно коннотатируются как смерть — жизнь, пища мертвая — пища живая.

⁵ Практик, основанных на знании не только должного и подходящего для создания рецептуры сочетания различных веществ, но и на правилах коммуникации, регулирующих отношение *пища и тот, кто ее приготавливает*, т. к. несомненной и основной «приправой» к пище является тот, кто ее приготовил. Для традиционной культуры это, как правило, в отношении повседневной еды — женщина. С такой точки зрения женское движение, желающее женщину освободить от кухонного рабства, как это было сформулировано в известном лозунге 1920-х годов, желало освободить ее от принудительного жертвенного кормления собой.

Таким образом, *жертва* женщины — ее ежедневное рутинное вкладывание себя в кулинарное тело культуры — периодически прерывается мужской *жертвой* — приготовлением праздничной еды, потребление которой характеризуется со-жертвованием, т. к. все участники праздничной трапезы жертвуют собой, своим здоровьем и рациональным порядком бытия ради установления связи с трансцендентным. Если сравнивать именно в этом смысле праздничную трапезу с повседневной трапезой, то их гендерный порядок выражается в разнице жертвы: мужская праздничная трапеза *со-жертвует* празднующим, женщина же *жертвует* собой ради идентичности всей семьи.

Этот гастрономический порядок зафиксирован и в прочном культурном паттерне связи женщины с домашним очагом, с повседневной пищей и основным местом ее приготовления — кухней. Именно женщина как хозяйка очага и автор каждодневной *внутренней* (тождественно *домашней*) пищи выражала свое желание в приготовленной еде и символически кормила семью, жертвуя собой. Гастрономический код повседневной пищи представлен в бинарной оппозиции *желание* — *жертва*, которая репрезентирует женские практики существования.

Женщина и гастрономическое пространство традиционной культуры. Поскольку традиционная культура выражена более всего через этническое многообразие, объединенное инвариантными повседневными практиками существования, то и кулинарное тело традиционной культуры представлено как национальная кухня, формирующая этническую идентичность человека на телесном уровне. Национальная пища — прежде всего пища повседневная, связанная с каждодневным поддержанием и подтверждением телесной идентичности человека, живущего в данном национальном космосе. Праздничная же пища, наоборот, может быть необычной и необязательно приготавливаемой из традиционных национальных продуктов⁶, поэтому женщина также участвует в кулинарной истории культуры в целом и национальной культуры особенно. Символически она приготавливает землю — мать-кормилицу (и в действительности то, что рождает для кормления человека земля), преобразуя ее в *кулинарное тело культуры*. Она выступает посредником между природой и культурой, преобразуя природную данность с помощью присущих этой культуре гастрономических практик. Одновременно именно женщина приготавливает свое бессознательное и вкладывает в приготавливаемое свое *желание* — само по себе желание, еще не отформатированное культурой, есть наиболее непосредственное выражение бессознательного. В принципе, можно утверждать, что желание имеет женскую природу, ведь в рамках традиционного бинарного кодирования женское соотносится с хаосом, бессознательным, тьмой, скрытыми практиками существования, с телом; в то время как мужское — с космосом, сознанием, разумом, надповседневными практиками жизни. Уже на основании такого архетипического противопоставления мужского и женского становится очевидным подчеркнутое ранее обстоятельство, что кухня является женским делом, женской практикой репре-

⁶ Как праздник нарушает привычный ход вещей, так и праздничная пища нарушает сформированную и поддерживаемую привычными повседневными практиками идентичность.

зентации себя, т. к. позволяет женщине канализировать бессознательное более мягкими формами, основанными на телесных коммуникациях, а также репрезентировать свое желание, адресуя его мужчине, — быть музой, инициатором культурного творчества, что тоже является архетипической ролью женщины, которая, кстати, никогда и не отрицалась традиционной культурой.

В то же время застольный этикет традиционного общества, как правило, тщательно маркирующий статус каждого участника трапезы, неизменно отводил женщине вторичную роль. Более того, часто, будучи автором приготовленного, в самом застолье женщина вообще не могла участвовать. «Субординация мест застолья — устойчивый, “архетипический” топос застолья, встречающийся во многих культурах и сохранившийся до нашего времени» [4, с. 221]. В Древней Руси пространство пиршественной трапезы, где места за столом иерархически фиксировались особенно жестко, имелось четкое гендерное деление: гости пировали с хозяином, гости — с хозяйкой. Если говорить о повседневной трапезе, то женщине отводилось место на так называемом *нижнем* конце стола, а следующим, самым низшим в иерархии считалось место около печи. В. Д. Лелеко отмечает [4], что в таком застольном расположении женщины реализовывалось представление о маргинальности женщины, которая в горизонтальном (ближкое/далекое) измерении пространства находилась максимально далеко от хозяина (занимающего самое главное место у стола) и в вертикальном измерении (высокое/низкое) тоже занимала соответствующую позицию. Поскольку трапеза формирует единое коллективное тело, то следует предположить, что традиционная культура не допускает интенсификации взаимодействия мужского и женского, которое ведет к усилению процессов культурного развития. Например, антрополог М. Добровольская [2] придает феномену обработки пищи огнем именно значение интенсификации взаимодействия мужского и женского, дополнительно иницирующего эволюционные процессы. Она отмечает, что обработка огнем растительной пищи, которую добывала женщина, и возможность трапезы около огня соединили мужчину и женщину в социальном плане.

Перепрограммирование традиционного застольного этикета в некоторой степени оказалось возможным в дворянской культуре: с эпохи реформ Петра I в России, во времена позднего Средневековья и Возрождения все более утверждается парный порядок рассадки за столом, актуальный и по сей день.

Впрочем, в традиционных культурах, тяготеющих к воспроизводству архетипического социального законодательства, и поныне сохраняется тенденция следовать гендерной иерархизации застольного этикета.

Исследование эволюции гендерного порядка, воспроизводимого застольным этикетом, требует, несомненно, отдельного внимания, мы же демонстрируем только его главную стратегию, актуальную для традиционной культуры, — стратегию подчеркивания вторичного места женщины в оппозиции *высокое — низкое, духовное — телесное* как маркирующего страты культуры.

Еще один гендерный аспект гастрономической культуры — это обозначение женского через определенный *вкус*, как правило, *сладкий*. Это актуально как в отношении пищи, предпочитаемой женщиной и считающейся женской (например, водку в России XVI—XVII вв. подслащивали патокой и именно в подслащенном виде она годилась для употребления женщиной), так и в отношении гастрономии

женского тела, которое мыслится сладким. Сладкий — вкус удовольствия, коннотативный обычно и эротически. В фольклоре это отражено в обозначении губ — сахарные и сладкие (сахарные уста, сладкие поцелуи), а также в противопоставлении вагины как сладкой и мужского члена как соленого [5, с. 70].

Гетерогенность, особенная физиологичность женской телесности, подверженность ее природным циклам, и изменчивость зачастую определяли и порядок кулинарных работ. Так устанавливалась связь между вкусами, репрезентирующими женскую телесность, и вкусом еды, которую женщина приготавливала и куда вкладывала, как было замечено ранее, свое *желание* и свою *жертву*. Например, в некоторых народных культурах для незамужних девушек существовал запрет на приготовление определенных видов пищи: «У украинцев было известно следующее: девушка не должна делать квашу» (заквашенное кушанье из муки, солода и воды), иначе она «долю свою утопит в квашу, т. е. будет несчастлива всю жизнь» [5, с. 73]. По-видимому, девушка с еще несформированной женственностью и неотформатированной ритуалом превращения в женщину (свадьбой, сменой статуса) связью со своим бессознательным не могла готовить некоторые, особенно энергоемкие, блюда.

Итак, гастрономический код традиционной культуры основывался на амбивалентности *желания* и *жертвы* как основной практики репрезентации женщины. По сути, одной из главных форм деятельности женщины как домохозяйки было создание *кулинарного тела культуры*, посредством чего она также участвовала в культурном творчестве, но на уровне практик своего тела, которые представляют первый, частичный или половинный уровень сублимации бессознательного по сравнению со вторым, когда сублимация уже выражается в работе духа. Жертвенность женских практик репрезентации основывается на иной, нежели мужская, конструкции идентичности: женщина моделирует себя через Другого, поэтому ее коммуникативный этос связан с заботой, в то время как мужской этос имеет законодательный настрой, т. е. опирается на утвержденный обществом, гласно или негласно, порядок коммуникации. Вообще, *забота-о-другом* должна быть понята не только в терминологии жертвенности, поэтому мы упомянем маргинальное для официального научного дискурса произведение Д. Андреева «Роза мира» [1], где автором утверждается, что как мужчина оплодотворяет женщину на физиологическом уровне, так и женщина оплодотворяет мужчину на метафизическом уровне, т. е. вкладывает в него свое желание посредством практик *заботы-о-нем* (заботы-о-Другом как конститутивном для ее идентичности). Основной такой практикой и является практика гастрономическая, позволяющая влиять на идентичность человека на самом непосредственном телесном уровне, поэтому, к примеру, в тоталитарном обществе неизбежно происходит перестройка структур повседневной жизни, в рамках которой гастрономическая сфера становится одной из приоритетных сфер заботы тоталитарной власти, которая непременно тяготеет полностью контролировать процесс *кормления* народа, потому что сфера еды — это сфера абсолютной власти⁷. Подобные процессы наблюдались не только в реально состоявшихся в XX в. тоталитарных обществах по типу большевизма и нацизма,

⁷ Что и позволяет утверждать, что тоталитарная власть имеет женскую природу производства желания.

но и обговаривались как необходимые в утопических построениях Т. Мора, Ф. Бэкона, Т. Кампанеллы. Там также большое значение придается вопросу организации гастрономического пространства жителей утопии, которое из частного становится общественным.

Деконструкция традиционной роли женщины в поддержании гастрономического порядка культуры. XX в. можно назвать веком глобальной деконструкции традиционного порядка существования, которая коснулась практически всех сфер жизни, в частности традиционного гендерного порядка. Бинарная структура традиционной культуры разрушилась как таковая, женщина овладела мужскими практиками самопрезентации и самоосуществления в официальном пространстве культуры, кулинарное тело культуры также практически сменило своего автора: оно стало вместилищем желаний власти.

Двумя основными феноменами⁸, деконструировавшими традиционный паттерн женщины-домохозяйки и автора повседневной пищи, стали следующие:

— революция структур быта, произошедшая в Советской России 1920-х гг.;

— достижения пищевой индустрии, почти полностью трансформировавшие природный состав продуктов и создавшие *быструю* еду в плане приготовления и употребления.

Если бытовая революция 1920-х гг. может рассматриваться как тоталитарный проект культуры еды, привязанный именно к советской реальности, но от этого не менее показательный, то пищевые технологии как результат научного прогресса XX в. полностью преобразили кулинарное тело культуры на общем культурцивилизационном уровне, во многом «оттянув» на себя традиционно женскую практику гастрономической *заботы-о-семье*.

Бытовая революция 1920-х гг. в России привела к реорганизации домашнего пространства: частная кухня была отчуждена в пользу общественного питания, которое должно было формировать здоровое коллективное тело строителя коммунизма. Домашняя кухня подверглась массе обвинений, начиная от сформулированного А. В. Луначарским обвинения в адрес организации домашнего труда, перекрывающего женщине доступ к возможностям своей самореализации, и заканчивая высказываемым в прессе неодобрением по отношению к самим домашним хозяйкам, которые не обладают необходимым знанием о составе и качестве продуктов, а также о способах приготовления наиболее питательных и полезных блюд. По сути, можно сформулировать две стратегические задачи, которые были поставлены в гастрономической сфере преобразований повседневности.

Первая, наиболее очевидная задача — это вывод женщины из дома в общественную сферу, где она могла бы стать полноценным участником коммунистического строительства, активно участвуя непосредственно в производстве и усваивая идеологические догматы новой, советской власти. Стране нужны были граждане с ясными мировоззренческими установками, не таящие и не укрывающие своих желаний и домыслов в частном пространстве еще непреодо-

⁸ Безусловно, эти два феномена полностью не исчерпывают содержание деконструкции паттерна *женщина — хозяйка огня-очага*, но позволяют увидеть его основные причины и следствия.

ленных старых структур повседневной жизни. В отличие от женского труда в буржуазных странах, где помимо низкооплачиваемой деятельности, к примеру на фабрике, женщина несла на себе еще и бремя всех домашних забот, новая реальность Страны Советов не просто предложила женщине принимать участие в общественном производстве, но и побуждала повышать свой образовательный статус, создавая социальный «лифт» не благодаря замужеству или иным средствам, связанным с сугубо женскими практиками и возможностями существования, а посредством собственных усилий по саморазвитию, хотя и осуществляемых в определенном идеологическом контексте. Также советская власть устремилась и в повседневные структуры жизни: теперь они должны быть подстроены под нового человека, прежде всего под обновленную советскую женщину, которая привычные ей и в целом детерминирующие ее существование практики *заботы-о-Другом* передает обществу (а значит, власти), освобождая себе время для формирования своей идентичности как работницы, как коммунистки, как передовика производства и т. д. И наконец, у общественного контроля за правильностью отправления повседневных практик есть неоспоримое преимущество: он базируется на понимании и необходимости их рациональной организации. *Рациональность*, сведенная к медикалистскому представлению о теле и телесных потребностях, является главным и неоспоримым способом построения не только повседневности, но и всех сфер существования советского человека. Она не может в должной мере осуществляться частным лицом, т. к. рациональность находится в конфликте с *желанием*, посредством которого выражает себя бессознательное. Поэтому рациональность как принцип организации жизненного пространства всех граждан страны должна исходить от некоей внешней по отношению к частному лицу и к его желанию инстанции, которой и становится власть.

Итак, мы подошли ко второй задаче реорганизации гастрономической сферы. Ее последствием стала уже означенная возможность абсолютного контроля со стороны тоталитарной власти, а также непосредственное, на уровне телесного габитуса, внедрение ее в индивида. В этом отличие и специфика обобществления гастрономической сферы, которое проходило под известным лозунгом «Долой кухонное рабство!». Если обобществление иных, помимо гастрономической, сфер повседневной жизни способствовало формированию дополнительных структур взаимного (горизонтального), а не только со стороны власти (вертикального), надзора, то именно обобществление гастрономического пространства делает возможным непосредственную инсталляцию *желания* власти в тело советского гражданина. Мы предполагаем, что именно эта цель, никак не артикулированная не только в официальном идеологическом дискурсе, но и на уровне самосознания власти, и являлась приоритетной для революции быта в советской России 1920-х гг., т. к. только таким образом власть смогла получить доступ к ресурсам индивидуального бессознательного и частного желания и, отчуждая их в свою пользу, сформировать свой собственный потенциал способности бесконечно желать. Поскольку *производство желания* является женским онтологическим приоритетом, то контроль над гастрономическими практиками, которые, как это было показано выше, являются преимущественно женскими, позволил тоталитарной власти присвоить себе

функцию производства желания. Таким образом, в отличие от всех остальных видов власти, тоталитарная власть носит абсолютно феминную природу производства желания. Желание тоталитарной власти советского образца 1920—1930-х гг. было инвестировано в грандиозные проекты по техническому оснащению и индустриализации страны, действительно давшими результат при изначальной ресурсной нищете. Ностальгия по сталинским временам нет-нет да и проявит себя в высказываниях типа «Сталин привел Россию от сохи к ракете». Только следует помнить о механизме такого приведения и соответствующей этому механизму цене.

Итак, опыт революции на «кухне» советского человека показателен как в плане демонстрации важности гастрономических и кулинарных практик в социальном и культурном пространствах, так и в плане того факта, что разрушение привычных, как правило, традиционных структур этих практик не может носить случайный по отношению к основным социокультурным векторам характер, а наоборот, регистрирует их аксиологическую топографию.

Еще одним фактором, способствующим деконструкции домашней кухни в XX в., стал бурный рост пищевых технологий и пищевой промышленности. Мечты человека относительно контроля над голодом, управления временным ресурсом существования продуктов, многократно продлеваемым вследствие технологического воздействия и химической обработки, избавления от зачастую утомительного процесса приготовления обеда, ужина и т. д., доступности пищевого разнообразия стали реальностью благодаря достижениям пищевой индустрии. В определенном смысле она заняла место хозяйки на кухне и стала истинным автором-инициатором формирования кулинарного тела современной культуры. Еще одним фактором, потеснившим домашнюю кухню, оказалось изменение соотношения *внутренней* и *внешней* пищи. Для урбанистической культуры гораздо более актуальной и поэтому масштабно представленной и востребованной стала пища *внешняя*, воплощенная в публичных пространствах трапезы, начиная от разнообразных заведений быстрого питания и заканчивая ресторанами, предлагающими образцы высокой кухни. Исследование этого фактора выходит за рамки данной статьи, поэтому остановимся просто на постулировании означенного факта, который позволяет предположить, что преобладание внешней кухни связано с обстоятельством занятости женщины в общественных сферах реализации, где она преимущественно бытийствует, покинув внутреннюю кухню и отдав последнюю на откуп пищевой индустрии. Так, пищевая индустрия гораздо более, нежели домашняя хозяйка, участвует в приготовлении пищи современного человека. В этом смысле она олицетворяет ту власть желания, которая в традиционной культуре принадлежала женщине и чей механизм отчуждения в пользу тоталитарной власти был уже рассмотрен нами выше. Если тоталитарная власть отчуждала частное желание через *дефицит*, истощая кулинарное тело культуры, отбирая желание насильственно, то пищевая индустрия делает это не через дефицит, а наоборот, посредством рекламируемого изобилия. Образы изобилия, которые традиционно имели выраженный гастрономический контекст, остаются такими и в современном обществе потребления, которое упреждает все желания, предлагая веер возможностей их реализации. Реклама продуктов обслуживает интересы пищевой индустрии.

стрии, инициирующей создание все более разнообразных и новых видов пищи, содержание которых является пустотным, в то время как форма, с помощью которой осуществляется их продажа, становится все более изощренной, в зависимости от целевой аудитории. Так путем *соблазна* пустой формы, которому поддается потребитель, происходит процесс обмена его онтологических ресурсов на фальшь утоления поверхностного потребленческого голода⁹. Это утверждение верно в отношении потребления всего вообще, но все-таки наиболее актуально в отношении потребления пищи. Если женщина как хозяйка на внутренней кухне, как автор повседневной еды моделировала кулинарное и гастрономическое пространство в рамках репрезентации себя через *жертву* — *желание*, то пищевая индустрия моделирует кулинарное и гастрономическое пространство в рамках бинарности *соблазн* — *пустота*. Иначе говоря, ведомый голодом потребитель еды соблазняется заманчивой формой и получает пустоту в качестве пищи для своей телесной, и не только, идентичности, а платит за это истощением онтологических ресурсов.

Этот процесс носит сложный характер, но можно обозначить и тот факт, что современная культура располагает и иными, противостоящими ему тенденциями. Например, актуализация кулинарной тематики в массовой культуре (журналы и телепередачи, предлагающие готовить вкусную и подчас замысловатую еду дома) выступает маркером потребности общества в реабилитации домашней пищи, автором которой является женщина.

Заканчивая предпринятый анализ гастрономического кода культуры как репрезентирующего женские практики существования, можно добавить, что уже произошедшие изменения и еще грядущие трансформации как кулинарного тела культуры, так и его гастрономического кода неотвратимо изменят облик культуры и идентичность человека. Скорее всего, сейчас это даже сложно спрогнозировать, но «остается надеяться, что для каждого отдельного случая когда-нибудь удастся выяснить, каким образом кулинария является языком, произвольно отражающим устройство данного общества или, по крайней мере, выявляющим противоречия, в которых общество не отдает себе отчета» [3, с. 377].

Библиографический список

1. Андреев Д. Роза Мира. СПб. : Азбука-классика, 2006. 672 с.
2. Добровольская М. В. Человек и его пища. М. : Науч. мир, 2005. 367 с.
3. Леви-Строс К. Мифологии: происхождение застольных обычаев. М. : Флюид, 2007. 461 с.
4. Лелеко В. Д. Пространство повседневности в европейской культуре / С.-Петербург. гос. ун-т культуры и искусств. СПб., 2002. 320 с.
5. Тело в русской культуре : сб. ст. / сост. Г. Кабакова, Ф. Конт. М. : НЛЮ, 2005. 400 с.

⁹ Если обратиться к онтологии соблазна, то очевидно, что соблазняющее действительно пленяется чем-то истинным в соблазняемом (т. е. онтологическими ресурсами соблазняемого), но всегда предлагает ему обманку, посредством которой должен осуществиться процесс присвоения этих искомым ресурсов соблазняющим.

ГЕНДЕРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ И МЕТОДИКА

ББК 60.561.51

А. Е. Звонарёва

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ ОТЦОВСТВА

В настоящее время ученые-социологи, историки, психологи, педагоги и представители других гуманитарных дисциплин большое внимание уделяют изучению феномена отцовства. Само понятие отцовства неоднозначно, и рассмотрение его сквозь призму различных парадигм предполагает акцентирование внимания исследователей на разных аспектах [3].

По нашему мнению, понятие «отцовство» не отражает всей полноты и многогранности рассматриваемого социального явления. Задачей данной статьи автор видит обоснование правомерности и целесообразности введения в научный оборот понятия «социальные практики отцовства», которое способно объединить в себе структуру, задающую правила игры человеческого общества, и действие конкретного индивида в определенных исторических условиях. Введение понятия «социальные практики отцовства» позволит нам выделить функции отца, выполняемые им на всех этапах исторического развития в разном объеме.

Итак, отцовство как социальное явление включает в себя комплекс социальных связей, отношений, норм, ментальных структур, поведенческих действий. Его социологическое видение будет зависеть от исходных онтологических посылок исследователя.

Представители социологического реализма (объективизма) считают, что социальная реальность характеризуется внешним существованием по отношению к индивидуумам — она вне- и надындивидуальная. В социальной действительности имеют место объективные закономерности, которые действуют независимо от воли и сознания людей, подчиняя себе поведение отдельных индивидов и коллективов. С этих позиций отцовство предстает как социальный институт, выступающий в роли принудительной силы и осуществляющий непрерывный социальный контроль над тем, соответствует ли поведение человека господствующим в социуме нормам и ценностям.

Сторонники социологического номинализма (субъективизма) рассматривают общество как совокупность отдельных субъектов. Номиналисты утверждают, что в социальной действительности нет ничего сверх того, что можно обнаружить в отдельных индивидах. Знание свойств отдельных людей, их целей, мотивов, ценностных ориентаций достаточно для научного познания об-

щества. С этих позиций отцовство видится как многообразие социальных действий мужчин по отношению к членам своей семьи, определяемое целями действующего субъекта. Социология призвана интерпретировать смысл и значения действующих субъектов, понимать социальное действие, стремиться причинно объяснить его течение и результаты.

Обозначенные методологические принципы являются противоположными, могут привести к различным, взаимоисключающим результатам, поскольку решение вопросов *что, как и зачем* исследовать представлено тремя дилеммами: «действие или структура?», «факты или смыслы?», «объективизм или активизм?» [8, с. 65]. Преодолеть однозначность решений можно с помощью интегративных подходов, снимающих противопоставления действия и структуры, объективности и социальной активности исследователя. К их числу относятся конструктивистский структурализм П. Бурдьё и теория структуризации Э. Гидденса.

Э. Гидденс полагает, что социальная действительность воспроизводится индивидами как субъектами действия, создающими структуры, которые, в свою очередь, служат объективными условиями и ограничениями для последующих действий. Структура влияет на поведение людей благодаря знанию об обществе, которым они обладают. Такое знание позволяет людям ориентироваться в повседневной жизни. Люди осуществляют рационализацию своих действий, т. е. определяют процедуры действий на основе соотнесения целей и средств. Также индивиды контролируют свое поведение через постоянный мониторинг действий, а именно рефлекссию мотивов, процедуры и последствий действий. Социальные действия людей цикличны, подобны некоторым самовоспроизводящимся природным явлениям. Это означает, что они не создаются социальными акторами, а лишь постоянно воспроизводятся ими, причем теми же самыми способами, посредством которых люди воспроизводят себя как акторы. В процессе собственной деятельности социальные деятели воспроизводят условия, делающие ее возможной [2, с. 40]. Исследователь поясняет, что под деятельностью понимается непрерывный поток поведенческих проявлений, преднамеренной и непреднамеренной деятельности [2, с. 41].

Таким образом, становится понятным, что структура и действие не могут существовать независимо друг от друга. Социальные структуры определяют характер индивидуальных действий, а действия — характер социальных структур, потому что агенты преследуют собственные цели, т. е. используют те правила и ресурсы, которые позволяют реализовать индивидуальные интересы.

Несомненным достоинством теории структуризации является то, что она хорошо описывает и объясняет, как действия и структуры оказываются причинами и следствиями по отношению друг к другу. Вместе с тем она переоценивает рефлексивность агентов и не позволяет объяснить такие ситуации взаимодействия, когда агенты не осуществляют «мониторинг» и воспринимают ситуацию неодинаково в силу разницы в образовании, воспитании, жизненном опыте и т. п. [8, с. 69].

Данная проблема решается в конструктивистском структурализме П. Бурдьё. Этот исследовательский подход основан на представлении, что социальные структуры обуславливают практики и представления агентов, а агенты производят практики и тем самым воспроизводят и преобразуют структуры.

Под практикой Бурдые понимает все то, что социальный агент делает сам и с чем он встречается в социальном мире. Сюда включается и то, что понимается под практикой в марксизме, — целесообразные преобразования предметов, взятые в их социальных формах. Практика не может быть сведена ни к объективному целенаправленному преобразованию социального мира, ни к субъективному опыту сознания, а является действительным осуществлением (объективных и субъективных) социальных структур [10, с. 551—552]. В отличие от Маркса Бурдые не считает практическую деятельность полностью сознательной. Часто она оказывается неосознанной, осуществляется в силу привычки. Хотя действующий индивид (агент) руководствуется какими-то целями, эти цели и стратегии их достижения не являются исключительно результатом свободного выбора.

Практические действия производятся под влиянием габитуса. Габитус, с точки зрения ученого, — это объективное в субъекте. Он представляет собой систему когнитивных и мотивирующих структур [10, с. 103], является одновременно и продуктом социальных условий, и средством, управляющим поведением индивида в обыденных ситуациях [6, с. 51]. Габитус — это отражение социальных структур в субъективности. Он формируется через наши первые опыты (первичный габитус), а затем через опыт нашей взрослой жизни (вторичный габитус). Это то, каким образом социальные структуры отпечатываются в наших головах и телах посредством интериоризации внешнего [5, с. 46]. Габитус, как система устойчивых и переносимых диспозиций [1, с. 102], является продуктом истории и лежит в основе восприятия и оценивания всякого последующего опыта [1, с. 105].

Габитусы предрасположены существовать как структурирующие структуры, т. е. как принципы, порождающие и организующие практики и представления, которые могут быть объективно адаптированными к их цели, однако не предполагают осознанную направленность на нее и непереносимое овладение необходимыми операциями по ее достижению. Объективно «следующие правилам» и «упорядоченные» они, однако, ни в коей мере не являются продуктом подчинения правилам и, следовательно, будучи коллективно управляемыми, не являются продуктом организующего воздействия некоего дирижера [1, с. 102].

Бурдые показал, что социальные структуры, находящиеся «вне» индивида, данные в неодинаковом распределении материальных и символических благ, являются объективированными продуктами практик. Одновременно данные структуры считаются инкорпорированными, т. е. находящимися «внутри» индивида. Продуктами практик являются диспозиции — предрасположенности к определенному восприятию событий и определенным образцам действий [8, с. 70].

Интегративные парадигмы, по нашему мнению, предоставляют наиболее адекватные концептуальные средства для анализа отцовства как социального явления. В этом случае отцовство предстает как совокупность разнообразных социальных практик, формирующихся под воздействием объективных материальных и ментальных структур, а также субъективных факторов (воспитание, характер, темперамент и т. п.). В данном контексте практика рассматривается не только как действие индивида (индивидов), но и как предпосылка действия и его результат, являющийся предпосылкой следующего действия. Объектив-

ные обстоятельства жизни общества — социально-экономические условия, политическая система, культура — определенным образом отпечатываются в сознании субъектов, формируя систему мотивирующих структур. Практики, в свою очередь, влияют на объективную действительность, изменяют ее. Эти изменения являются результатом не только преднамеренных действий акторов, но и непреднамеренных, т. е. индивид получает не только ожидаемые последствия своих действий, но и неожиданные. В результате практической деятельности мы получаем новую измененную действительность, которая затем снова начинает оказывать влияние на индивида.

Практики отцовства являются производными от социальных функций отца, которые реализуются в сфере родственных и семейных отношений. Данный тип социальных отношений формируется между членами семьи и рода, строится на открытом взаимодействии, солидарных связях, доверии и подотчетности.

Вместе с тем наряду с родственными отношениями столь же «естественными» для общества выступают отношения социального неравенства и господства. Совокупность отношений социального неравенства и родственных отношений образует социальную «ткань» общества. В этой ткани родственные и семейные отношения являются горизонтальными, а отношения социального неравенства — вертикальными. Пересекаясь, они скрепляют общество, сохраняя при этом свою специфику. «Точки пересечения» этих разных типов социальных отношений вызывают к жизни такие функции отца, которые направлены не только на его родственников и членов семьи, но и на других членов общества.

Таким образом, следует учитывать, что содержание социальной роли отца задается институтом семьи как «механизмом воспроизводства жизни» (Маркс) и семьей как малой группой, в которой протекает частная жизнь людей. Это означает, что функции отца будут сопряжены с функциями семьи. В научной литературе существуют различные варианты артикуляции социальных функций семьи. Типологический анализ семейных функций позволяет выделить три их основные группы: количественное воспроизводство семьи, качественное воспроизводство семьи, воспроизводство условий существования [9, с. 316]. В соответствии с этой типологией можно обозначить специфический круг деятельности отца, его назначение в поддержании функционирования семьи. В рамках первой группы это будет репродуктивная функция; во второй группе — статусная функция и функция инкультурации и социализации; в третьей группе — хозяйственно-бытовая.

Каждая функция предполагает ряд практик, т. е. социальных действий по реализации определенных *прав* и *ответственности* за их выполнение. По нашему мнению, в рамках названных функций можно выделить следующие практики:

- репродуктивная функция — репродуктивные практики;
- статусная функция — практики сохранения и укрепления семьи и рода, практики представления семьи во внешнем мире и согласования интересов семьи с общественными интересами;
- функция инкультурации и социализации — практики обучения членов семьи культурным и социальным ролям;
- хозяйственно-бытовая функция — практики материального обеспечения жизни и быта семьи.

Поскольку практики отцовства участвуют в конституировании социальной ткани, они, кроме того что являются непосредственной сферой межличностного взаимодействия, также служат целям поддержания социального господства. Бурдые отмечает, что любое господство строится на сочетании открытого (физического или экономического) принуждения с утонченным символическим принуждением. Такая сущностная двойственность свидетельствует о том, что могут сосуществовать противоположные стратегии для выполнения одной и той же функции. Выбор стратегии зависит от состояния силовых отношений между участниками взаимодействия. Характеризуя особенности символического принуждения, Бурдые отмечает, что оно является мягким, незримым, неузнаваемым в качестве такового. Создается впечатление, что такое принуждение принимается как бы поневоле, однако оно является результатом личного свободного выбора; это принуждение доверием, обязательством, личной верностью, дарением, долгом, признательностью и пр. [1, с. 250]. Оно покоится на нравственных добродетелях и легитимирует общественный порядок.

Важное методологическое значение в понимании исполнения социальных ролей, а значит и содержания социальных практик по их реализации, имеют положения теории Мертона, касающиеся принципов функционирования социальной структуры и социального поведения. Как известно, Мертон стремился раскрыть, каким образом социальные структуры побуждают людей вести себя скорее вразрез с предписаниями, нежели в соответствии с ними [7, с. 244]. Для этого он различает определенные культурой цели и способы достижения этих целей. Культурные цели складываются в более или менее строгую иерархию ценностей, принятую в обществе. Они устанавливают определенные рамки, в которые должны укладываться человеческие устремления. Способы достижения этих целей регулируют допустимые процедуры продвижения к ним. Они подчинены целой гамме контролирующих норм. В них могут быть представлены безусловно предписываемые, просто предпочтительные, разрешенные или запрещенные образцы поведения [7, с. 245—246].

Культурные цели и институционализованные нормы сообща придают форму существующим практикам, но отношения между ними не являются неизменными. Равновесие между этими двумя аспектами социальной структуры сохраняется до тех пор, пока индивиды, придерживающиеся тех или других ограничений, получают удовлетворение как от достижения целей, так и от способов борьбы за их достижение. Индивид должен непрерывно черпать удовлетворение из самого участия в конкурентном порядке, только тогда этот порядок может быть сохранен. Распределение социальных статусов, происходящее в процессе конкуренции, должно быть организовано так, чтобы давать положительные стимулы к верности статусным обязательствам для каждой позиции в рамках этого распределительного порядка. В том случае, когда расходятся культурно предписанные устремления и социально структурированные пути осуществления этих устремлений, возникает состояние аномии и отклоняющееся поведение [7, с. 247]. Таким образом, общество само подталкивает и принуждает индивида к новым формам поведения во имя верности культурно заданным целям.

Анализируя поведение человека в социальной структуре, Мертон вводит понятия «ролевая модель», «статусный набор», «набор ролей», чтобы подчеркнуть вариативный характер социального поведения индивида. Ролевая модель содержит в себе типичные черты, относящиеся к исполнению той или иной социальной роли [7, с. 455]. Однако в реальности каждый специфический социальный статус связан не с одной-единственной социальной ролью, но с целым спектром ролей — «набором ролей». Этим термином Мертон обозначает полный комплект ролевых отношений, которыми люди обладают вследствие того, что занимают определенный социальный статус. Например, статус школьного учителя имеет специфический набор ролей, связывающий учителя с его учениками, коллегами, директором школы, родителями, общественностью и пр. [7, с. 539]. Кроме того, каждый индивид имеет определенный набор статусов, причем каждый из статусов, в свою очередь, имеет свой особый набор ролей.

Структурные комплексы ролевых и статусных наборов, а также статусных последовательностей составляют социальную структуру в целом. Это говорит о необычайной сложности социальной структуры. Ее функционирование предполагает такую организацию составных элементов, чтобы в итоге получился ощутимый социальный порядок, достаточный для того, чтобы большинство людей могло значительную часть времени уделять своим социальным обязанностям и при этом не импровизировать заново в каждой новой ситуации, с которой придется столкнуться [7, с. 539—540].

Таким образом, социальная роль как единица социальной структуры является многомерной комбинацией трех уровней — идеального, нормативного и вероятностного. Идеальный уровень содержит набор убеждений, взглядов, жизненных принципов, характерных для определенной группы, которые выступают в качестве своеобразных социокультурных эталонов. Нормативный уровень — это набор социальных ожиданий в отношении поведения индивида, реализация которого обеспечивается с помощью социального контроля. Вероятностный уровень связан с конкретным индивидуальным поведением, детерминируемым не одним, а целым комплексом социальных статусов, которыми обладает человек.

Такой подход позволяет не просто обнаружить изменения, возникающие в рамках того или иного ролевого поведения, но и понять причины этих изменений. Согласно логике рассуждений Мертона, эти причины можно разделить на две группы: связанные с согласованием различных уровней социальной структуры и связанные с выбором индивидуального социального поведения. В первую группу входят причины, которые носят основополагающий характер и характеризуют различия между уровнем культуры и уровнем социальной структуры [7, с. 529]:

— изменения на нормативном уровне при сохранении старых культурных образцов;

— недостаточная способность социальной структуры реагировать на исходящие от культуры «наказы» [7, с. 556].

Вторую группу составляют причины, связанные со сложностями стыковки ролей в ролевых наборах:

— различная интенсивность вживания в роль со стороны партнеров по ролевому набору. Ролевые партнеры по-разному относятся к поведению тех, кто занимает определенный социальный статус; это означает, что ролевые ожидания партнеров по ролевому статусу не всегда имеют одинаковую интенсивность; для некоторых из них данное ролевое отношение представляет побочный интерес, а для других, возможно, главный;

— разная степень обладания властью членов данного ролевого набора, т. е. способностью налагать на социальные действия отпечаток своей собственной воли, даже преодолевая сопротивление тех, кто принимает участие в этом действии;

— изоляция ролевой деятельности от наблюдаемости со стороны членов ролевого набора. Носитель того или иного статуса не вступает в постоянное взаимодействие со всеми своими партнерами по ролевому набору; взаимодействия с каждым членом (индивидуальным или групповым) ролевого набора ограничиваются и переплетаются самыми разными способами; этот фундаментальный факт ролевой структуры позволяет без чрезмерного стресса осуществлять такое ролевое поведение, которое не соответствует ожиданиям некоторых партнеров по ролевому набору; это факт *социальной структуры, а не индивидуального приспособления*, благодаря которому человеку удается скрывать свое поведение;

— противоречивые требования к носителю статуса со стороны членов ролевого набора. Члены ролевого набора могут не знать о том, что их требования к носителю статуса совершенно несовместимы между собой, каждый из них по-своему оказывает давление, создавая ситуацию «многие против одного»; однако, когда выясняется, что требования одних членов ролевого набора находятся в вопиющем противоречии с требованиями других, именно члены ролевого набора, а не носители статуса должны решить эти противоречия — либо путем борьбы за власть, либо с помощью компромисса; когда конфликт обретает ясные очертания, давление на носителя статуса временно ослабевает [7, с. 542—549].

Реализация социальной роли отца имеет три измерения: культурное, нормативное, вероятностное. Логико-смысловое рассогласование этих трех аспектов порождает новые варианты ее исполнения.

Практики отцовства через поддержание функционирования семьи участвуют в воспроизводстве и развитии всей социальной жизни. Действия, составляющие содержание отцовских практик, задаются объективными структурами и определяются ими. Поэтому вряд ли можно согласиться с мнением И. С. Кона, что история отцовства не укладывается в эволюционные схемы [4, с. 316]. Отцовские практики локализованы в пространстве и во времени и различаются в зависимости от эпохи и культуры.

Таким образом, наиболее достоверное знание о содержании и тенденциях трансформации социального назначения отца может быть получено в рамках интегративных парадигм. В этом случае отцовство предстает в виде практик по осуществлению социальных функций отца, направленных на поддержание функционирования семьи. Социальные практики отцовства представляют на-

бор социальных действий по реализации определенных *прав* и *ответственности* за их выполнение. Содержание этих практик задается существующими объективными структурами, в рамках которых функционирует институт семьи. Практики, так же как социальные действия отцов, регламентируются обществом. Регламентация заключается в наличии культурных идеалов, стандартов и социальных норм, в том числе правовых. В рамках социальной структуры того или иного общества существуют групповые стандарты, ориентирующие действия конкретных индивидов. Вместе с тем всегда существует индивидуальное «исполнение» роли отца, обусловленное спецификой его статусного и ролевого набора. Отцовские практики эволюционируют вместе с обществом, сохраняя при этом социокультурную специфику каждого из народов.

Библиографический список

1. Бурдые П. Практический смысл. СПб. : Алетейя, 2001. 562 с.
2. Гидденс Э. Устройство общества : очерк теории структуризации. М. : Академический проект, 2003. 528 с.
3. Звонарёва А. Е. Теоретико-методологические подходы к изучению отцовства // Вестн. ННГУ. 2010. № 3.
4. Кон И. Мужчина в меняющемся мире. М. : Время, 2009. 496 с.
5. Коркюф Ф. Новые социологии. М. ; СПб. : Алетейя, 2002. 172 с.
6. Масловский М. В. Современная западная теоретическая социология. Н. Новгород : НИСОЦ, 2005. 117 с.
7. Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. М. : АСТ : Хранитель, 2006. 880 с.
8. Социология : учеб. / под ред. Д. В. Иванова. М. : Высш. образование, 2005. 326 с.
9. Тезаурус социологии : темат. слов.-справ. / под ред. Ж. Т. Тощенко. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2009. 487 с.
10. Шматко М. А. На пути к практической теории практики // Бурдые П. Практический смысл. СПб. : Алетейя, 2001. С. 548—561.

СОЦИАЛЬНЫЙ СТАТУС ЖЕНЩИНЫ: СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ

ББК 67.411

Т. Е. Щенина

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ УЧАСТИЯ АДВОКАТА-ЗАЩИТНИКА ПРИ ПРИМЕНЕНИИ ОТДЕЛЬНЫХ МЕР УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРИНУЖДЕНИЯ К ОБВИНЯЕМОЙ-ЖЕНЩИНЕ

Закон устанавливает цели и задачи кратковременного задержания лиц, подозреваемых в совершении преступления, для выяснения причастности задержанных к преступлению и разрешения вопроса о применении к задержанному (задержанной) меры пресечения. Несмотря на детальную регламентацию системы мер уголовно-процессуального принуждения и пресечения, порядка их применения, ни Конституция РФ, ни Уголовно-процессуальный кодекс РФ при наличии целого ряда решений Конституционного суда РФ, имеющих прямое отношение к обоснованию условий допустимости ограничения прав и свобод личности при осуществлении уголовно-процессуальной деятельности, не содержат определения понятия мер уголовно-процессуального принуждения.

Между тем в специальной литературе решению этой проблемы уделено определенное внимание. Многие ученые [5, 9, 12], в том числе А. М. Медведев [11, с. 33—47], ратуют за то, чтобы мера процессуального принуждения — заключение под стражу — избиралась как можно реже. 7 ноября 2008 г. Президент Российской Федерации Дмитрий Медведев заявил, что арест является исключительной мерой пресечения, а потому должен применяться лишь по отношению к действительно опасным преступникам. Президент также высказал недовольство количеством уголовных дел, «которые расследуются долго», при этом не соблюдаются сроки предварительного следствия, а соответственно нарушаются права обвиняемых, которые в течение длительного срока находятся в следственных изоляторах. По словам Президента, это не только приводит к тому, что «тюрьмы переполнены, но и создает большие проблемы для последующей социализации этих людей» [7].

По статистическим данным, в России 60 000 женщин отбывают наказание в исправительных колониях [15]. Так, в г. Сарапул Удмуртской Республики в 2003 г. было открыто Федеральное государственное учреждение «Исправительная колония № 12 Управления Федеральной службы исполнения наказаний по Удмуртской Республике» для женщин. На момент открытия осужденных женщин было 85, по состоянию на 1 апреля 2010 г. количество осужденных женщин составило 1 тыс. 291 человек (по сравнению с 2003 г. оно возросло на 152 %) [14]. Хотелось бы особо отметить то обстоятельство, что в данной колонии отбывают наказание женщины, совершившие преступление на территории УР. Проблема содержания женщины (подозреваемой, обвиняемой, подсудимой), как в России, так и в Удмуртии, стоит крайне остро, в связи с чем в январе 2010 г. в УР открыт первый следственный изолятор для женщин (на 77 мест).

По данным Федеральной службы исполнения наказаний, в последние годы отмечается стабильный рост численности лиц, арестованных за преступления небольшой и средней тяжести (в 2006 г. — 104 тыс. человек, в 2007 г. — 135 тыс., в 2008 г. — 147 тыс., в 2009 г. — почти 160 тыс., а за первый квартал 2010 г. — уже почти 120 тыс.). По той же информации, доля таких лиц в 2009 г. составила от 42 % до половины от общего числа всех привлекаемых к уголовной ответственности. В 2009 г. из зала суда были освобождены 82 тыс. человек, которые до судебных решений провели в камерах следственных изоляторов многие месяцы. Не все из них были оправданы, но в отношении подавляющего большинства судами были избраны меры наказания, не связанные с лишением свободы. А 2000 человек вообще были признаны невиновными и отпущены за отсутствием состава преступления. Получается, что всех этих людей можно было и не арестовывать. Содержание под стражей упомянутых граждан обошлось государству, т. е. налогоплательщику, в круглую сумму — почти 2,5 млрд рублей. Это материальная сторона вопроса. Но нам представляется не менее, а более важным моральный аспект [6].

Мы солидарны с высказанным в юридической литературе мнением о том, что повод для этого дает сам уголовно-процессуальный закон, установивший общие основания избрания любой меры пресечения, тогда как для заключения под стражу как исключительной меры пресечения необходимо предусматривать особые основания и учитывать определенную категорию преступлений, по которым возможно применение указанной меры пресечения [13, с. 37]. Основаниями к задержанию являются определенные факты, вынуждающие применить эту меру процессуального принуждения. Человек, заключенный под стражу на время проведения следствия и суда, практически выпадает из общества, кардинально меняются его статус, условия быта, сфера деятельности, круг общения, он лишается целого ряда социальных благ. Негативные последствия заключения не исчезают полностью даже после его возвращения на свободу. Правильное уяснение существа каждого из оснований к задержанию и отграничение их друг от друга имеют для адвоката-защитника большое практическое значение.

Особенно тяжело задержанной (женщине), которая лишается не только свободы, но и свободы передвижения, возможности общения с другими людьми, возможности распоряжаться имуществом, страдает ее физическая и нравственная неприкосновенность, она терпит иные многочисленные неудобства, свя-

занные с бытом, проживанием, медицинским обслуживанием, она, как правило, несколько суток пребывает в состоянии сильнейшего стресса, вызванного резкой переменной положения, который способен вызвать чувство безысходности и бесполезности защиты даже у невиновной, что может послужить причиной самоговора [1, с. 44]. Часто при задержании подозреваемой (женщины) применяется физическая сила. В милиции все еще имеют место случаи применения недозволенных методов обращения с задержанными ради получения признательных показаний, показаний против других лиц в первые часы после задержания. Людей в милиции, как констатируется отдельными авторами, нередко избивают, подвергают жестокому обращению и пыткам [4, с. 41—42]. При этом задержание по подозрению в преступлении — весьма распространенное явление.

Судебная практика Европейского Суда оказывает воздействие на уголовную политику государств, которые сталкиваются с серьезными критическими ситуациями, а иногда и мятежами, вызванными переполнением тюрем и завышенными сроками предварительного содержания под стражей. Отсюда ответственность Европейского Суда за свою судебную практику и ее влияние на уголовную политику.

Действующий уголовно-процессуальный закон (ст. 107 УПК) предусматривает новую меру пресечения — домашний арест. За рубежом домашний арест и по сей день является самой распространенной мерой пресечения. У нас, как показывает судебная практика, домашнее заключение под стражу применяется крайне редко. Мера пресечения «домашний арест», неизвестная УПК РСФСР 1960 г., занимала достойное место и в Уставе уголовного судопроизводства 1864 г., и в УПК РСФСР 1922 и 1923 гг. Введение домашнего ареста в перечень мер пресечения действующего УПК России, на наш взгляд, заслуживает всяческого одобрения, как, впрочем, и введение любой другой меры, способной быть альтернативой заключению под стражу. Тем не менее не всеми эта идея воспринимается однозначно. Не едины во мнении и ученые-процессуалисты. Е. В. Гусельникова, например, возражая против данной меры пресечения, ссылается на недостатки применения домашнего ареста в период с 1864 по 1903 г., а также в 1922—1926 гг. [8, с. 10]. Пока применение домашнего ареста несколько затруднено, т. к. на сегодняшний день отсутствует полноценная детальная правовая регламентация данного института [3, с. 95—112]. В ч. 2 ст. 107 УПК установлено, что домашний арест избирается на основании и в порядке, установленных для заключения под стражу, с учетом возраста обвиняемой (подозреваемой), состояния ее здоровья, семейного положения и других обстоятельств. Несмотря на то что женщина способна совершить преступление, необходимо тщательно разобраться в том, что побудило ее к его совершению, а к избранию меры наказания суду следует подходить более гуманно, учитывать биологические функции женщины как продолжательницы рода человеческого. Женщина — мать своих детей, которым она необходима. Государство и законодатель гуманно относятся к женщине-матери и стараются ее поддержать. При решении вопроса о применении в качестве меры пресечения заключения под стражу орган, избирающий эту меру пресечения, должен выяснить, имеются ли у обвиняемой (подозреваемой) дети и не могут ли они остаться без надзора в случае ареста их родителя или лица, его заменяющего.

Уже имеется положительная практика ряда зарубежных стран по применению в отношении лиц, которым избрана мера пресечения в виде домашнего ареста, электронных средств слежения, в частности, в Великобритании и Франции электронные браслеты применяют с 2004 г. В США электронный мониторинг используется в 49 штатах из 50, в Европе его особенно активно применяют Британия, Швеция и Нидерланды [2, с. 11]. Действует эта система в Австралии, Новой Зеландии и в некоторых развивающихся странах. По статистике ежегодно в мире выносятся более 100 000 судебных решений о применении электронного мониторинга. В Швеции осуществляется интенсивный надзор с применением электронного мониторинга, который заключается в том, что на лодыжке человека, за которым установлен надзор, закрепляется манжета со специальным передатчиком, направляющим радиосигналы на компьютер в офисе управления исполнением наказанием. В компьютер заложен режим для каждого поднадзорного: учеба, работа, дом, маршруты передвижения и т. д. Если поднадзорный нарушает свое расписание, срабатывает сигнализация. Согласно шведской статистике, вновь совершают преступления после отбытия наказания в обычной тюрьме 24 % осужденных, а после домашнего ареста — 13 % [10, с. 7].

По опыту зарубежных стран, на территории России — в Воронеже, Рязанской и Московской областях, Пермском крае — в порядке эксперимента введена электронная «браслетизация» осужденных. Еврокомиссия выделила России на электронную систему мониторинга 3 млн евро, из которых 500 тыс. пошли на закупку собственно оборудования и 2,5 млн — на обучение сотрудников ФСИН. Это небольшие коробочки на пластиковом ремешке, по весу — не тяжелее мужских часов среднего размера. По словам представителя управления ФСИН по Воронежской области подполковника А. Бабкина, сразу же после презентации в колонии-поселении и уголовно-исполнительных инспекциях начались испытания 218 комплектов оборудования.

Для испытаний используются три вида «браслетов» — с передатчиком на спутниковую навигационную систему, для работы в системе сотовой связи и по обычным телефонным линиям. При этом сотрудники ФСИН в режиме реального времени будут знать о месте нахождения человека.

Мы полагаем, что такая мера пресечения, как использование электронных браслетов в отношении подозреваемых, обвиняемых, осужденных (женщин) и особенно несовершеннолетних лиц женского пола, совершивших преступления небольшой и средней тяжести, может быть использована судами в качестве одной из приоритетных мер наказания, которая, в свою очередь, не повлечет за собой дополнительных материальных расходов государства на содержание под стражей, а для подзащитной и несовершеннолетних будет являться моральным стимулом для исправления.

Библиографический список

1. *Безлепкин Б. Т.* Судебно-правовая защита прав и свобод граждан в отношениях с государственными органами и должностными лицами. М. : ЮрЛитИнфоР, 1997. 62 с.
2. *Белаиш В.* Амбулаторное заключение // *Власть*. 2006. № 17/18.

3. Булатов Б. Б. Государственное принуждение в уголовном судопроизводстве. Омск : Омск. акад. МВД России, 2003. 320 с.
4. Васильева Е. Г. Меры уголовно-процессуального принуждения / БашГУ. Уфа, 2003. 136 с.
5. Власов И. С., Тяжкова И. М. Ответственность за преступления против правосудия. М. : Юрид. лит., 1968. 134 с.
6. Выступление первого заместителя председателя Комитета Государственной думы по безопасности М. И. Гришанкова на «круглом столе» на тему: «Актуальные проблемы применения мер пресечения и наказаний, не связанных с лишением свободы» (Москва, Государственная дума, 13 ноября 2008 года). URL: <http://www.rg.ru/sujet/3749.html> (дата обращения: 07.12.2009).
7. Выступление Президента Российской Федерации Д. Медведева на совещании по вопросам правоохранительной деятельности в России 7 ноября 2008 года, Санкт-Петербург. URL: <http://www.newsru.com/russia/11nov2008/homearrest.html> (дата обращения: 07.12.2009).
8. Гусельникова Е. В. Заключение под стражу в системе мер пресечения : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2001. 21 с.
9. Здравомыслов Б. В. Должностные преступления : понятие и квалификация. М. : Юрид. лит., 1975. 167 с.
10. Куликов В. На осужденных надеты электронные кандалы // Скрытая камера. 2002. № 1.
11. Медведев А. М. Проблемы уголовного и уголовно-процессуального законодательства. М. : Росби, 1994. 68 с.
12. Милуков С. Ф. Обстоятельства, исключаящие общественную опасность деяния. СПб. : СПбГУ, 1998. 122 с.
13. Никодимов А. Заключение под стражу — «любимая» мера пресечения российского уголовного процесса? // Российская юстиция. 2007. № 6.
14. URL: http://index.org.ru/neuo/1/2009-2/crim_n.11.htm (дата обращения: 09.12.2009).
15. URL: <http://index.org.ru/turma/st/040217.htm> (дата обращения: 07.12.2009).
16. URL: : <http://www.vesti.ru> (дата обращения: 08.12.2009).

ББК 60.542.2:65.261.4

А. А. Дикий

ГЕНДЕРНАЯ АСИММЕТРИЯ ДОЛГОВОГО ПОВЕДЕНИЯ

В России исследования гендерного аспекта в долговом поведении населения до сих пор достаточно редки [3, 4]. В 1990-х гг. из российских социологов этим вопросом практически никто не занимался. Тогда приоритетным было изучение сберегательного и инвестиционного поведения, и в первую очередь определение предпочитаемых с точки зрения как мужчин, так и женщин форм хранения денежных средств и мотивов вложения денег в те или иные активы [1, 2]. Да и масштабы самого институционального кредитного поведения были

незначительны. Сейчас же все большую роль в финансовом поведении российских семей начинает играть кредитование, и это, как отмечает Д. Стребков, ставит перед исследователями много новых интересных задач [3, с. 114]. Одной из таких задач, на наш взгляд, является определение и анализ гендерных различий в установках граждан на долговое поведение и в осуществлении ими заемных практик, поскольку от того, кто принимает в семье решение о денежном займе, зависят планирование и реализация форм финансового поведения семьи, отражающиеся в конечном итоге на ее материальном достатке и росте благосостояния. Как показывает зарубежный опыт гендерных исследований [5, 6], долговые практики, как и установки на «жизнь взаимности», у мужчин и женщин весьма различны, что наводит на мысль о существовании так называемой гендерной асимметрии долгового поведения. Постараемся проследить ее на примере российских домохозяйств.

Некоторые теоретические предпосылки исследования

В США и ряде европейских стран (Великобритания, Франция, Швеция) гендерные исследования долгового поведения населения активно проводятся начиная с 1970-х гг. [8, 13]. При этом чаще всего анализируются такие его аспекты, как общий объем долга семьи, наличие отдельных долгов, количество кредитных карточек у каждого из супругов, доля средств, уходящих на ежемесячное погашение долга. Важным вопросом является исследование кризисного долга, т. е. ситуации, когда супруги не могут вовремя расплатиться по счетам, задолженность нарастает как снежный ком и они вынуждены объявить себя банкротами.

Большинство экономистов основным фактором долгового поведения домохозяйства считают уровень его доходов. Займы рассматриваются как один из видов сбережений, только с отрицательным знаком. В отличие от них социологи и психологи акцентируют внимание на том, что принятие долговых обязательств сообща или отдельно в семье — это особый род финансовой деятельности. Так, например, С. Ли, П. Уэбли и Р. Левин на основе исследований долга подчеркивают необходимость различать понятия кредита (произвольного, или управляемого, долга) и неуправляемого долга. В первом случае предполагается, что заемщик (семья) в принципе может расплатиться с кредитором в любое время, а во втором — что должник либо не в состоянии вернуть долг в силу материальных трудностей, либо вообще пытается избежать расплаты [9].

Более детальному изучению подверглись вопросы, связанные с анализом влияния на долговое поведение гендерных групп таких социальных факторов, как социализация (экономическое воспитание) индивида, референтные группы, социальные сети и т. п. Это вполне закономерно, поскольку нельзя недооценивать их роль при принятии решения о том, брать или не брать кредит (в долг). Например, С. Ли и его коллеги на основе исследования, посвященного изучению причин долга, выделяют следующие факторы, детерминирующие подобное поведение: *социальное одобрение долгов* (мужчины чаще одобряют институциональный заем денежных средств, женщины — неформальное кредитование); *экономическую социализацию* (семьи, в которых к долгам относятся терпимо, воспроизводят подобную модель в следующих поколениях); *социальное*

сравнение (если люди, особенно женщины, ориентируются на более богатые референтные группы и стараются жить «не хуже других», им гораздо проще брать деньги в долг) [10].

В американской социологии широко распространен анализ, основанный на нахождении различий между группой мужчин и группой женщин-заемщиков. Соответственно, весь методический инструментарий строится таким образом, чтобы по результатам опроса можно было идентифицировать гендерную группу займа (долга) по тем или иным признакам (например, этапам экономической социализации, психологическим чертам характера, особенностям референтных групп, поведенческим установкам и т. д.).

Зарубежные социологи при выявлении статистически значимых различий между гендерными группами опрашиваемых обнаружили следующие факторы, влияющие на долговое поведение респондентов.

Первый фактор — *контроль расходования долговых сумм*. Мужчины, по мнению Х. Левенсона, чаще полагают, что на события в жизни людей влияет их собственное поведение, а потому считают, что расходование денежных средств зависит только от собственных решений человека. Женщины же склонны считать, что все, что происходит в их жизни, является результатом судьбы, случайностей или действий других людей, и тем самым оправдывают свое долговое поведение причинами, якобы не имеющими к ним никакого отношения [11].

Второй фактор — *самооценка*. Г. Токунага в работе «Пользование и злоупотребление потребительским кредитом: применение психологической теории и практики» анализирует причины возникновения просроченной задолженности по кредитам. Главной причиной ее возникновения, по его мнению, является завышенная или заниженная самооценка у заемщика. При столкновении с ситуацией, когда долг в силу каких-либо причин становится неуправляемым, мужчины оказываются слишком самонадеянными и пускают свою кредитную историю на самотек, женщины, наоборот, склонны впадать в панику, испытывая сильнейший стресс и явно занижая свои способности справиться с кризисной ситуацией [12].

Третий фактор — *принятие решения в условиях риска*. Чтобы оценить склонность людей к поведению, сопряженному с рисками, Дж. Херши и П. Шумейкер предлагали респондентам набор из 16 дихотомических ситуаций, требующих принятия однозначного решения: уверенность (100 %-й шанс на появление) и неуверенность (менее чем 100 %-й шанс на появление) [7]. Так, при ответе на вопрос «Что бы Вы предпочли: а) гарантированный выигрыш в 10 \$ или б) 1/1000 шанс на выигрыш 10 000 \$?» первый вариант ответа чаще озвучивали женщины, подчеркивая тем самым, что для них «лучше синица в руке, чем журавль в небе».

Четвертый фактор — *поиск ощущений*. Данный фактор определяет потребность людей в новых ощущениях, а также готовность взять на себя физические и социальные риски. Так, М. Цукерман делает вывод о том, что женщины больше предрасположены к неумным тратам по кредитным карточкам, чем мужчины, для них экономическая свобода (свобода совершать дорогостоящие покупки) является высшим благом, привносящим в их рутинную жизнь ощущение независимости и самодостаточности [14].

Между тем не меньший интерес представляет анализ не конкретного поведения, а ценностно-нормативных установок мужчин и женщин по отношению к долгу и кредиту. Поэтому основной задачей любого исследования, на наш взгляд, должно стать не столько определение факторов, оказывающих наибольшее влияние на выбор модели долгового поведения, сколько построение типологии (кластеризация) гендерных групп со сходными установками на долговое поведение.

Методическая характеристика исследования

Для выявления масштабов и причин возникновения гендерной асимметрии в долговом поведении граждан в июле — августе 2010 г. нами было проведено специальное социологическое исследование.

Опросы методом личного интервью проводились среди взрослого населения городов Москвы, Иванова, Фурманова, а также среди сельских жителей Ивановской и Ярославской областей. Целесообразность опроса в данных населенных пунктах была обусловлена ранжированием городов и сел по уровню их социально-экономического развития (в частности, по уровню жизни населения и степени разветвленности сети кредитных учреждений) — от наиболее высокого (г. Москва) до очень низкого (сельская местность). Суммарный объем выборочной совокупности составил 1050 человек. Соотношение мужчин и женщин в подвыборках для городов и сельских поселений в целом отражает гендерную структуру взрослого населения указанных населенных пунктов.

Опросный лист содержал 50 вопросов, сгруппированных в 3 основных блока. *Первый блок* состоял из 31 вопроса, посвященного выяснению ценностно-нормативных установок граждан на долговое поведение.

Второй блок содержал 12 вопросов, включенных с целью изучения заемного опыта граждан, а также влияния на их долговое поведение неблагоприятных жизненных факторов, референтных групп и социального окружения.

Третий блок анкеты состоял из социально-демографических вопросов, которые фиксировали пол, возраст, уровень образования, род деятельности (сферу занятости) респондента, а также уровень доходов, материальное положение и количественный состав его семьи.

Поскольку гендерная асимметрия в долговом поведении проявляется прежде всего в ответных смещениях опрашиваемых, то в качестве ее эмпирических индикаторов мы рассматривали процентные расхождения в реакциях респондентов на вопросы интервью. Статистическая значимость различий оценивалась на основе критерия ϕ^* — углового преобразования Фишера. Сравнение средних значений количественных переменных осуществлялось с использованием процедур t-оценивания.

Полученные в исследовании данные были обработаны в программно-аналитическом комплексе SPSS.

Восприятие денежного долга

Выражение отношения к долгу. Анализ данных показывает, что существуют статистически значимые различия в ответах мужчин и женщин на вопросы об отношении к долгу и кредиту. Причем под долгом мы понимаем

именно неинституциональную форму займа — одолжение денежной суммы у родственников (знакомых, друзей). Так, респонденты-мужчины чаще выражали позитивное отношение к институту кредитования (табл. 1).

Таблица 1

**Распределение ответов на вопрос
«Как в целом Вы (Ваша семья) относитесь к кредиту?»
в разных гендерных группах респондентов, % от числа ответивших**

Отношение к кредиту	Гендерные группы		Разность показателей
	Мужчины	Женщины	
Позитивное	57,4	42,6	14,8*
Нейтральное	48,4	51,6	3,2
Негативное	43,6	56,4	12,8*
Затруднились ответить	47,9	52,1	4,2

* Для $\phi^* p \leq 0,05$.

Женщины, отвечавшие на вопрос о личном отношении к долгу и кредиту, демонстрировали более лояльное отношение именно к неформальному займу (табл. 2). Это, возможно, объясняется тем, что женщины по сравнению с мужчинами чаще вынуждены занимать деньги у своих близких и знакомых для решения текущих материальных проблем семьи. Об этом, в частности, свидетельствуют ответы, полученные нами в ходе интервью.

«Всегда приходится занимать деньги на пропитание до первой получки, вроде как и зарабатываем неплохо, но все куда-то уходит, просачивается, и где-то за неделю-полторы начинаешь понимать, что можешь и не дотянуть до получки» (Анна, 32 года, продавец-консультант, г. Иваново).

«Уж лучше я кредит оформлю, чем пойду просить у родственников. У них займешь, так потом и не отвяжутся: мол, мы тебя выручили, а ты нам это почини, вот это сделай. Да и морально унижает это. Нет-нет, мне это как-то претит» (Михаил, 28 лет, водитель, г. Москва).

Таблица 2

**Распределение ответов на вопрос
«Как в целом Вы (Ваша семья) относитесь к долгу?»
в разных гендерных группах респондентов, % от числа ответивших**

Отношение к долгу	Гендерные группы		Разность показателей
	Мужчины	Женщины	
Позитивное	37,4	62,6	25,2**
Нейтральное	47,9	52,2	4,3
Негативное	55,3	44,7	10,6*
Затруднились ответить	48,1	51,9	3,8

Социальный статус женщины: современные проблемы

* Для $\varphi^* p \leq 0,05$.

** Для $\varphi^* p \leq 0,01$.

Несколько иная картина получается, если сравнивать ответы респондентов на вопрос об их отношении к институциональной форме займа (кредиту) в группе женщин и анализировать данные по разным регионам. Так, женщины-москвички значительно чаще признавались в своем позитивном отношении к кредиту, чем, скажем, жительницы сельской местности (табл. 3). Между тем статистически значимые различия в оценочном отношении к институту кредитования в группе мужчин нами не обнаружены.

Таким образом, мужчины чаще демонстрируют благоприятное отношение именно к банковскому кредитованию, женщины же в большинстве своем склонны одобрять неформальный заем денежных средств. Внутри самой группы женщин оценочное отношение к кредиту зависит от уровня социально-экономического развития региона проживания: чем выше этот уровень, тем лояльнее женщины относятся к формальному займу, чего не скажешь о группе мужчин. Если говорить о ситуационном долге, то статистически значимые различия внутри гендерных групп нами не фиксировались.

Таблица 3

Распределение ответов женщин на вопрос «Как в целом Вы (Ваша семья) относитесь к кредиту?», % от числа ответивших

Отношение к кредиту	Регион опроса		Разность показателей
	г. Москва	Сельская местность	
Позитивное	72,4	27,6	44,8*
Нейтральное	47,7	52,3	4,6
Негативное	25,2	74,8	49,6*
Затруднились ответить	47,6	52,4	4,8

* Для $\varphi^* p \leq 0,01$.

Ценностно-нормативные установки на долговое поведение. Анализ ответов на вопросы этого блока также позволил выявить влияние ценностно-нормативных установок респондентов на отношение к долгу и кредиту.

Сначала полученные в ходе опроса ответы были обработаны нами с помощью факторного анализа (использовался метод главных компонент). В результате было выделено пять основных факторов, определяющих отношение граждан к проблемам долга и кредита. Чтобы максимально упростить структуру полученных компонент, было проведено ортогональное вращение факторного решения по критерию «варимакс».

В табл. 4 представлены нагрузки только для двух первых интересующих нас факторов нашей модели, условно названных нами «Фактор № 1. Отношение к заимствованию» и «Фактор № 2. Отношение к кредиту как социальному явлению».

Эти нагрузки показывают степень корреляции каждой переменной с каждым из тех скрытых измерений, которые были выявлены в результате анализа. Значения этих переменных находятся преимущественно в интервале от -3 до $+3$. При этом положительным значениям каждого фактора соответствует позитивное отношение того или иного респондента к определенному явлению (к получению денег в долг и кредиту), а отрицательным значениям — негативное отношение.

Для определения характера взаимосвязи данных факторов с гендерной принадлежностью респондента мы воспользовались методом анализа вариаций — однофакторным дисперсионным анализом (One-Way ANOVA).

Судя по данным исследования, более позитивным отношением к заимствованию отличаются женщины: они ($+0,53$) чаще, чем мужчины ($+0,22$), признавались в том, что не стесняются просить у друзей и знакомых деньги в долг. Между тем женщины ($+0,48$ против $+0,17$ у мужчин) также в большей степени отдают себе отчет в том, что любое заимствование — это определенный риск, который может привести к нежелательным для семейного бюджета результатам.

Таблица 4

Переменные, имеющие наиболее значимые факторные нагрузки

Переменные	Факторная нагрузка
<i>Фактор № 1. Отношение к заимствованию</i>	
Даже если мне придется тяжело, я буду экономить, но залезать в долги не стану	$-0,51$
Я никогда не стесняюсь просить у знакомых деньги в долг	$+0,35$
В долги залезают чаще всего бездельники и те люди, которые не могут позаботиться о себе сами	$-0,33$
Когда берешь деньги в долг, то всегда понимаешь, что можешь их вовремя и не вернуть	$+0,34$
<i>Фактор № 2. Отношение к кредиту как социальному явлению</i>	
Возможность купить необходимую вещь в кредит позволяет планировать свою жизнь на несколько лет вперед	$+0,53$
Человек, взявший кредит, будет стараться более активно работать, чтобы скорее погасить его	$+0,35$
Кредит на крупные покупки позволяет людям повысить свой престиж, социальный статус	$+0,49$

В оценке перспектив кредитования более лояльные установки обнаруживаются у мужчин, чем у женщин ($+0,57$ против $+0,49$). Возможность уже сейчас пользоваться дорогостоящей вещью, по мнению мужчин, повышает престиж и социальный статус человека.

Таким образом, пол респондента влияет на стремление граждан отдавать свое мотивированное предпочтение денежным займам либо в институциональной, либо в неинституциональной форме.

Планирование долгового поведения

Социальный статус женщины: современные проблемы

Результаты нашего исследования свидетельствуют также о существовании гендерной асимметрии в предпочтениях граждан осуществлять долговые практики в ближайшей перспективе. Так, среди мужчин по сравнению с группой женщин больше тех, кто планирует оформить кредит в ближайшее время (табл. 5). Что касается планирования неформальных займов, то их чаще готовы осуществлять женщины (табл. 6).

Таблица 5

Распределение ответов на вопрос «Как Вы относитесь к возможности получения кредита в ближайшем будущем?» в разных гендерных группах респондентов, % от числа ответивших

Отношение к кредиту	Гендерные группы		Разность показателей
	Мужчины	Женщины	
Не хотят брать кредит	47,5	52,5	5,0*
Хотели бы взять кредит, но не планируют	59,6	40,4	19,2**
Планируют взять кредит	54,2	45,8	8,4*
Затруднились ответить	49,4	50,6	1,2

* Для χ^2 $p \leq 0,05$.

** Для χ^2 $p \leq 0,01$.

Таблица 6

Распределение ответов на вопрос «Как Вы относитесь к возможности взять крупную сумму денег в долг у родственников (знакомых, друзей) в ближайшем будущем?» в разных гендерных группах респондентов, % от числа ответивших

Отношение к долгу	Гендерные группы		Разность показателей
	Мужчины	Женщины	
Не хотят брать в долг	54,5	45,5	9,0*
Хотели бы взять в долг, но не планируют	47,6	52,4	4,8
Планируют взять в долг	32,4	67,6	35,2**
Затруднились ответить	47,9	52,1	4,2

* Для χ^2 $p \leq 0,05$.

** Для χ^2 $p \leq 0,01$.

Теперь рассмотрим, каким образом первый фактор, характеризующий отношение к заимствованию, связан с долговым поведением респондента в прошлом и его будущими предпочтениями.

Весьма примечательно, что у тех граждан, кто одновременно использовал и институциональный, и неформальный денежные займы, значения фактора в среднем намного выше по сравнению с остальными: +0,54. Граждане, вообще никогда ранее не осуществлявшие займы, демонстрируют отрицательное отношение к долгам (табл. 7). Если говорить о гендерных различиях, то у мужчин, имеющих опыт пользования институциональным кредитом, позитивное отношение к заимствованию выражено сильнее, чем у женщин. Для женщин же позитивное отношение к долгам чаще формируется под влиянием неинституциональной формы займа денежных средств.

Таблица 7

Отношение мужчин и женщин к заимствованию (первый фактор)

Долговые установки и поведение	Мужчины	Женщины	Разность показателей
<i>Прошлое</i>			
Не брали деньги в долг	-0,33	-0,36	0,03
Брали только кредит	0,29	0,22	0,07*
Брали только в долг	0,17	0,23	0,06*
Брали кредит и в долг	0,52	0,57	0,05
<i>Будущее</i>			
Не хотят брать кредит	-0,18	-0,15	0,03
Хотели бы взять кредит, но не планируют	0,02	0,04	0,02
Хотели бы взять в долг, но не планируют	0,08	0,11	0,03
Хотели бы взять кредит и в долг, но не планируют	0,12	0,13	0,01
Планируют взять кредит	0,48	0,37	0,11**
Планируют взять в долг	0,40	0,53	0,13**
Планируют взять кредит и в долг	0,52	0,55	0,03

* Для $t^* p \leq 0,05$.

** Для $t^* p \leq 0,01$.

У мужчин, считающих, что сейчас для их семьи хорошее время, чтобы брать кредит, значения первого фактора намного выше, чем у женщин (+0,48 против +0,37). Аналогично женщины, которые планируют брать кредит в ближайшее время, относятся к займам более позитивно (+0,37), чем те, которые хотели бы взять кредит, но пока не собираются этого делать (+0,04), и те, которые вообще не планируют никаких заимствований (-0,15). Во всех этих случаях анализ вариаций показывает существенные различия как внутри гендерных групп респонден-

тов, так и между ними. Следовательно, первый фактор, характеризующий отношение граждан к получению денег в долг или кредиту, очевидным образом связан с их текущим и планируемым заемным поведением.

Выводы

Таким образом, пол респондента оказывает достаточно заметное влияние на поведение респондента в ситуации займа. Как видно из результатов исследования, такое явление, как гендерная асимметрия долгового поведения, характерно не только для западных обществ.

Так, среди мужчин (как в России, так и за рубежом) недооценивается роль социального риска при реализации кредитной практики займа. Российские женщины, так же как и зарубежные, предпочитают «синицу в руке, чем журавля в небе». Они полагают, что в случае необходимости лучше не брать кредит, а занять деньги у кого-то из родных или знакомых. Чаще всего это бывает и быстрее, и дешевле, и надежнее.

Что касается ценностно-нормативных установок граждан на долговое поведение, то в целом мужчины и женщины демонстрируют позитивное отношение к заимствованию. Наличие опыта заемной деятельности лишь усиливает этот позитив.

Между тем в России очень высоким остается уровень негативного восприятия кредита сельскими женщинами, чего не скажешь о горожанках. Необходимо расширять и делать доступными программы кредитования на селе. Повлиять на ситуацию в какой-то степени можно через повышение общего уровня информированности сельских жителей по вопросам, связанным с выдачей и получением кредитов.

Библиографический список

1. Аврамова Е. Сберегательные установки россиян // *Обществ. науки и современность*. 1998. № 1. С. 32—44.
2. Богомолова Т., Тапилина В., Михеева А. Социальная структура: неравенство в материальном благосостоянии. Новосибирск : ИЭ и ОПП СО РАД, 1992. 192 с.
3. Стребков Д. Основные типы и факторы кредитного поведения населения в современной России // *Вопр. экономики*. 2004. № 2. С. 112—125.
4. Стребков Д. Социальные аспекты кредитного поведения населения // *Социол. журн*. 2007. № 1. С. 83—102.
5. Bowers J., Crosby K. Changes in the credit repayment performance of low income consumers : an exploratory study // *J. of Consumer Affairs*. 1980. Vol. 14. № 1. P. 89—108.
6. Canner H., Cynak A. Determinants of consumer credit card usage patterns // *J. of Retail Banking*. 1986. Vol. 8. № 2. P. 8—18.
7. Hershey J., Schoemaker P. Prospect theory's reflection hypothesis : a critical examination // *Organizational Behavior and Human Performance*. 1980. Vol. 25. № 1. P. 395—418.
8. Hirschman E. Differences in consumer purchase behavior by credit card payment system // *J. of Consumer Research*. 1979. Vol. 6. № 3. P. 58—66.
9. Lea S., Webley P., Levine R. The economic psychology of consume debt // *J. of Economic Psychology*. 1993. Vol. 14. № 2. P. 85—119.

10. *Lea S., Webley P., Walker C.* Psychological factors in consumer debt : money management, economic socialization, and credit use // *J. of Economic Psychology*. 1995. Vol. 16. № 4. P. 681—701.
11. *Levenson H.* Multidimensional locus of control in psychiatric patients // *J. of Consulting and Clinical Psychology*. 1973. Vol. 41. № 1. P. 397—404.
12. *Tokunaga H.* The use and abuse of consumer credit : application of psychological theory and research // *J. of Economic Psychology*. 1993. Vol. 14. № 3. P. 285—316.
13. *Wiley J., Richard L.* Application of discriminant analysis in formulating promotional strategy for bank credit cards // *Advances in Consumer Research*. 1974. Vol. 2. № 1. P. 535—544.
14. *Zuckerman M.* *Sensation Seeking: Beyond the Optimal Level of Arousal*. Hillsdale (NJ) : Erlbaum, 1979. 286 p.

Аннотации

***Кламмер Ю.* Деловой цикл и жизненный цикл: конфликтующие или взаимодополняющие понятия? К вопросу о жизненно-ориентированной политике, объединяющей различные интересы и разных акторов**

Рассматриваются понятия «деловой цикл» и «жизненный цикл». Решается вопрос о жизненно-ориентированной политике, объединяющей различные интересы и разных акторов.

Ключевые слова: деловой цикл, жизненный цикл.

***Климашевская О. В., Крутов А. В.* Гендерная политика государства: генезис понятия**

Исследуется генезис понятия «гендерная политика», история его возникновения и развития. Выявляется, что как целостная категория политического анализа «гендерная политика» не нашла однозначного определения. Устанавливается, что гендерная политика в практике Российского государства нерезультативна по причине низкой заинтересованности государственной власти в реализации данного направления государственной политики.

Ключевые слова: гендер, гендерное равенство, гендерная роль, гендерная политика, государственная политика, женская политика, политика.

***Сироткина Е. С.* Феномен несовершеннолетнего материнства: мнение специалистов сферы образования и социальной защиты**

Рассматривается вопрос социальной работы с несовершеннолетними мамами в образовательных и социальных государственных учреждениях. Установлено, что специалисты сферы образования и социальной защиты относят подростковую беременность к категории «социальная проблема». Показывается, что отношение к юным мамам подвержено влиянию существующих социальных стереотипов.

Ключевые слова: несовершеннолетнее материнство, половое воспитание, социальная защита, социальная работа.

***Николаенко О. А.* Занятость польских женщин юго-западных губерний Российской империи в общественном производстве в конце XIX — начале XX в.**

Характеризуется участие польских женщин юго-западных губерний Российской империи в общественном производстве. На материалах статистических данных и нарративов проанализировано применение женского труда в различных областях экономики, проведено сравнение с другими этническими группами, выявлены факторы, влияющие на особенности женской и мужской занятости.

Ключевые слова: польские женщины, трудовая занятость, Российская империя.

***Сохань И. В.* Женщина и гастрономический код культуры**

Анализируется гастрономический код культуры и роль женщины как преимущественная в его создании и поддержании, в развитии гастрономического формата и кулинарного тела национальной культуры.

Ключевые слова: гастрономический код, кулинарное тело культуры, жертва-желание, женские практики репрезентации.

***Звонарёва А. Е.* Социальные практики отцовства**

Обосновываются правомерность и целесообразность введения в научный оборот понятия «социальные практики отцовства». Социальные практики отцовства рассматриваются с точки зрения интегративных парадигм. Выделяются функции отца, выполняемые им на всех этапах исторического развития.

Ключевые слова: отцовство, социальные практики отцовства, функции отца, интегративный подход, социальные связи, социальные нормы, ментальные структуры, поведенческие действия.

***Щенина Т. Е.* Актуальные проблемы участия адвоката-защитника при применении отдельных мер уголовно-процессуального принуждения к обвиняемой-женщине**

Рассматриваются проблемы участия адвоката-защитника при применении отдельных мер уголовно-процессуального принуждения к женщине, обвиняемой в совершении преступления.

Ключевые слова: участие адвоката-защитника, применение мер уголовно-процессуального принуждения, обвиняемая-женщина.

***Дикий А. А.* Гендерная асимметрия долгового поведения**

Анализируется влияние пола респондента на принятие решения о займе. Описаны различия в ответах на вопросы, выявляющие гендерные установки респондентов, а также на вопросы о долговом поведении. Сделан вывод о заметном влиянии пола опрашиваемых на восприятие ситуации долга.

Ключевые слова: долговое поведение, кредит, ценностно-нормативные установки, факторный анализ, дисперсионный анализ.

Summaries

Klammer U. Business cycle and life cycle — conflicting or complementary? Towards a life course policy integrating different interests and actors

Business cycle and life cycle are considered. The problem of a life course policy is discussed.

Key words: business cycle, life cycle.

Klimashevskaya O. V., Krutov A. V. Gender policy of the state: the genesis of the concept

The genesis of the concept «gender policy», history of its origin and its formation are examined. It is revealed that «gender policy» as an integral category of the political analysis doesn't have one single definition. It is defined that gender policy doesn't have a lot of results in practice of the Russian state because of the fact that the governmental authorities are not very much interested in realization of this area of the state's policy.

Key words: gender, gender equality, gender role, gender policy, state's policy, women's politics, politics.

Sirotkina E. S. Phenomenon of minor motherhood: opinion of experts of the education sphere and social protection

The question of social work with minor mums in educational and social official bodies is considered. It is established that experts carry teenage pregnancy to a category «a social problem». It is shown that the relation to young mums is subject to influence of existing social stereotypes.

Key words: minor motherhood, sexual education, social protection, social work.

Nikolayenko O. A. Employment of the Polish women of south-west provinces of Russian empire in the public production in the end of XIX — the beginning of XX century

In the article the participation of the Polish women of south-west provinces of Russian empire in the public production is characterized. Using the materials of statistic data and narratives we analyzed the application of woman's labour in various areas of economy; comparison with other ethnic group was carried out; the factors that influence on the peculiarities of woman's and man's employment were defined.

Key words: Polish women, employment, Russian empire.

Sokhan' I. V. Woman and the gastronomic code of culture

The article analyzes the gastronomic practices as women's practice of representation — precisely woman creates culinary body of culture. Modern culture is undergoing deconstruction of the traditional pattern «woman-housewife» that leads to a change of traditional practices of consumption of food and gastronomic aspect of culture.

Key words: gastronomic code of culture, culinary of culture, victim-desire, women's practice of representation.

Zvonaryova A. E. Social experts of paternity

In the article the author proves legitimacy and expediency of introduction in a scientific turn of concept «social experts of paternity». Social experts of paternity are considered in the article from the point of view of integrative paradigms. The author allocates the functions of the father which are carried out by him at all stages of historical development.

Key words: paternity, social experts of paternity, functions of the father, integrative approach, social communications, social norms, mental structures, behavioural actions.

Shchenina T. E. Actual problems of participation of the lawyer-defender at application of separate measures of criminally-remedial compulsion to accused — a woman

Problems of participation of the lawyer-defender are considered at application of separate measures of criminally-remedial compulsion to a woman accused of commission of crime.

Key words: participation of the lawyer-defender, application of measures of the criminally-remedial compulsion, accused-woman.

Dikiy A. A. Gender asymmetry of debt behavior

The influence of the respondents' gender on decision-making of a loan is analyzed. Distinctions in the answers to attitudinal and behavioral questions about debt are described. The conclusion is drawn on appreciable influence of the respondents' gender on the perception of a debt situation.

Key words: debt behavior, credit, value-standard attitude, factor analysis, analysis of variance (ANOVA).

Авторы номера

- ДИКИЙ**
Алексей Александрович аспирант кафедры социологии,
Ивановский государственный энергетический
университет им. В. И. Ленина.
adikii@mail.ru
- ЗВОНАРЁВА**
Александра Евгеньевна старший преподаватель кафедры
общей социологии и феминологии,
Ивановский государственный университет.
zae1972@mail.ru
- КЛАММЕР Юте** профессор,
Университет Дуйсбурга — Эссена (Германия).
ute.klammer@uni-due.de
- КЛИМАШЕВСКАЯ**
Ольга Викторовна аспирантка кафедры политологии,
Московский авиационный институт.
Gromova86@rambler.ru
- КРУТОВ**
Александр Владимирович кандидат политических наук,
доцент кафедры политологии,
Московский авиационный институт.
avkrutov@inbox.ru
- НИКОЛАЕНКО**
Ольга Александровна кандидат исторических наук,
доцент кафедры украиноведения,
Харьковский национальный
автомобильно-дорожный университет.
nikolajenko@mail.ru
- СИРОТКИНА**
Екатерина Сергеевна аспирантка кафедры общей социологии
и социальной работы,
ННГУ им. Н. И. Лобачевского.
sirotkinak@mail.ru
- СОХАНЬ**
Ирина Владимировна кандидат философских наук,
доцент кафедры социологии,
С.-Петербургский филиал ГУ-ВШЭ.
irina.sokhan@gmail.com
- ЩЕНИНА**
Татьяна Евгеньевна старший преподаватель кафедры гуманитарных наук,
Глазовский государственный педагогический институт
им. В. Г. Короленко.
t.post.udm@mail.ru

Содержание

ГЕНДЕРНАЯ ПОЛИТИКА: СТРАТЕГИИ И ТЕХНОЛОГИИ

Кламмер Ю. Деловой цикл и жизненный цикл: конфликтующие или взаимодополняющие понятия? К вопросу о жизненно-ориентированной политике, объединяющей различные интересы и разных акторов	3
Климашевская О. В., Крутов А. В. Гендерная политика государства: генезис понятия	22
Сироткина Е. С. Феномен несовершеннолетнего материнства: мнение специалистов сферы образования и социальной защиты	32

ПРОБЛЕМЫ ЖЕНСКОЙ И ГЕНДЕРНОЙ ИСТОРИИ

Николаенко О. А. Занятость польских женщин юго-западных губерний Российской империи в общественном производстве в конце XIX — начале XX в.	41
Сохань И. В. Женщина и гастрономический код культуры	50

ГЕНДЕРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ И МЕТОДИКА

Звонарёва А. Е. Социальные практики отцовства	61
--	----

СОЦИАЛЬНЫЙ СТАТУС ЖЕНЩИНЫ: СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Щенина Т. Е. Актуальные проблемы участия адвоката-защитника при применении отдельных мер уголовно-процессуального принуждения к обвиняемой-женщине	69
Дикий А. А. Гендерная асимметрия долгового поведения	73
<i>Аннотации</i>	83
<i>Авторы номера</i>	87

Contents

GENDER POLITICS: STRATEGIES AND TECHNOLOGIES

Klammer U. Business cycle and life cycle — conflicting or complementary? Towards a life course policy integrating different interests and actors	3
Klimashevskaya O. V., Krutov A. V. Gender policy of the state: the genesis of the concept	22
Sirotkina E. S. Phenomenon of minor motherhood: opinion of experts of the education sphere and social protection	32

PROBLEMS OF WOMEN'S AND GENDER HISTORY

Nikolayenko O. A. Employment of the Polish women of south-west provinces of Russian empire in the public production in the end of XIX — the beginning of XX century	41
Sokhan' I. V. Woman and the gastronomic code of culture	50

GENDER RESEARCH: METHODOLOGY AND METHODS

Zvonaryova A. E. Social experts of paternity	61
---	----

SOCIAL STATUS OF A WOMAN: MODERN PROBLEMS

Shchenina T. E. Actual problems of participation of the lawyer-defender at application of separate measures of criminally-remedial compulsion to accused — the woman	69
Dikiy A. A. Gender asymmetry for debt behavior	73
<i>Summaries</i>	85
<i>Authors of the issue</i>	87

УВАЖАЕМЫЕ КОЛЛЕГИ!

Журнал «Женщина в российском обществе» издается на базе Ивановского государственного университета и Российского межвузовского центра гендерных исследований с 1996 года. За более чем десять лет, прошедших с выхода первого номера, журнал зарекомендовал себя как серьезное научное издание, посвященное разработке методологии гендерных исследований, научному осмыслению эволюции социального статуса женщин и мужчин, их роли в общественном развитии России, методическому обеспечению курсов по гендерной проблематике. География авторов научных статей представляет все крупные регионы России от Москвы до Дальнего Востока. С 2008 года наш журнал включен в список ВАК.

Основные задачи журнала:

— способствовать институционализации гендерного образования в вузах России через создание научно-методической базы для чтения курсов по специальностям различного профиля;

— интегрировать научное сообщество, занимающееся разработкой гендерной проблематики и представляющее авторитетных и молодых ученых России, докторантов, аспирантов;

— предоставить право первой публикации новому поколению молодых ученых.

Журнал «Женщина в российском обществе» выходит ежеквартально, распространяется бесплатно по предварительным заявкам ученых и библиотек.

Надеемся, что вы проявите интерес к нашему изданию и пожелаете сотрудничать с нами. Будем рады видеть вас среди авторов журнала. Мы поместим ваши научные статьи, рецензии на монографии и диссертации, переводы, обзоры конференций по следующим направлениям:

- теория и методология гендерных исследований,
- гендерная социология,
- проблемы гендерного равенства в политическом процессе,
- гендерные аспекты труда и занятости,
- гендерная лингвистика,
- женщины и мужчины в истории,
- гендерная педагогика и гендерное образование,
- гендерная психология,
- женское движение: традиции и современность.

Приглашаем вас на сайт журнала (www.womaninrussia.ru), на форуме которого можно принять участие в обсуждении направлений издания и проблематики статей.

По всем вопросам, связанным с публикацией и оформлением заявки на получение журнала, можно обращаться по электронной почте: gafizovanb@mail.ru, inna_kodina@mail.ru, riabova2001@inbox.ru

С уважением

главный редактор журнала

«Женщина в российском обществе»,

доктор исторических наук, профессор О. А. Хасбулатова

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

1. В журнал принимаются материалы в электронном виде на дискете стандартного формата с приложением одного экземпляра распечатки на белой бумаге.

Объем научных статей — 0,5—1,0 авт. л. (20 страниц текста через 1,5 интервала, 30 строк на странице формата А4, не более 65 знаков в строке, выполненного в редакторе Microsoft Word шрифтом Times New Roman или Times New Roman Cyr, кегль 14), сообщения — 0,5 авт. л. (10 страниц).

2. Материал для журнала должен быть оформлен в следующей последовательности: **УДК, ББК**; на русском и английском языках: **инициалы и фамилия автора, название материала**, для научных статей — **аннотация** объемом 10—15 строк и **ключевые слова; текст статьи** (сообщения).

3. Библиографические источники должны быть пронумерованы в алфавитном порядке, ссылки даются в тексте статьи в скобках в строгом соответствии с пристатейным списком литературы (к каждому пункту списка должен быть отсыл в тексте). Библиографическое описание литературных источников к статье оформляется в соответствии с ГОСТами 7.1—2003, 7.0.5—2008. В каждом пункте библиографического списка, составленного в алфавитном порядке (сначала произведения на русском языке, затем на иностранном), приводится одна работа. В выходных сведениях обязательно указание издательства и количества страниц, в ссылке на электронный ресурс — даты обращения.

4. Фотографии, прилагаемые к статье, должны быть черно-белыми, контрастными, рисунки — четкими.

5. В конце представленных материалов следует указать полный почтовый адрес автора, его телефон, фамилию, имя, отчество, ученую степень, звание, должность. Материал должен быть подписан всеми авторами.

6. Направление в редакцию ранее опубликованных и принятых к печати в других изданиях работ не допускается.

7. Материалы, представляемые к публикации в журнале, должны пройти научную экспертизу и сопровождаться положительной рецензией.

8. Редакция оставляет за собой право осуществлять литературную правку, корректирование и сокращение текстов статей.

9. Все материалы публикуются бесплатно.

ЖЕНЩИНА В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Российский научный журнал

№ 4 (57) — 2010

Директор издательства *Л. В. Михеева*

Редактор *О. В. Боронина*

Технический редактор *И. С. Сибирева*

Компьютерная верстка *Т. Б. Земсковой*

Подписано в печать 09.06.2010 г. Формат 70x108 ¹/₁₆
Печать плоская. Бумага писчая. Усл. печ. л. 10,7. Уч.-изд. л. 7,9. Тираж 300 экз.

Издательство «Ивановский государственный университет»

✉ 153025 Иваново, ул. Ермака, 39 ☎ (4932) 93-43-41

E-mail: publisher@ivanovo.ac.ru

ООО «Центр социальной поддержки женщин и семьи»
(Издательский центр «Юнона»). 153002 Иваново, пр. Ленина, 47